

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

(По поводу памятника ему въ Остафьевѣ 18 Юля 1911).

Неподалеку отъ города Подольска, Московской губерніи, въ сѣдствѣ Дубровицъ, прекрасною величавою церковью которыхъ любуешься, ѣдучи изъ Москвы на Югъ, лежитъ старинное небольшое село Остафьево*). Оно, еще на моей памяти, славилось у Москвичей кормилицами, что свидѣтельствуеетъ о благораствореніи воздуховъ въ этой мѣстности. Нынѣ господская усадьба съ большимъ домомъ въ Остафьевѣ можетъ быть названа питалищемъ здороваго просвѣщенія и художественнаго вкуса. Этому дому слишкомъ сто лѣтъ. Въ немъ жили и мыслили князья Вяземскіе: его основатель князь Андрей Ивановичъ, его сынъ князь Петръ Андреевичъ, описавшій Остафьево въ задушевныхъ стихахъ, и его внукъ незабвенный археологъ князь Павелъ Петровичъ; каждый изъ нихъ, въ особенности послѣдній, оставилъ въ Остафьевѣ свои книги, рукописи и другія свидѣтельства просвѣщеннаго ума и изящества.

Въ Остафьевѣ проводилъ лѣтніе и осеніе мѣсяцы Карамзинъ съ 1804 года, т. е. со времени своей женитьбы на дочери князя Андрея Ивановича, и до своего переселенія (лѣтомъ 1816 года) въ Петербургъ. Тамъ онъ занимался Исторіею Государства Россійскаго, и Погодинъ еще видѣлъ въ Остафьевѣ доски на козлахъ, куда раскладывалъ Карамзинъ древнія рукописи и справочныя книги. Нынѣ графиня Екатерина Павловна Шереметева, дочь князя Павла Петровича, возымѣла счастливую мысль воздвигнуть памятникъ въ Остафьевѣ великому человѣку,

*) Въ Августѣ 1830 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Остафьево къ князю Вяземскому, и не успѣлъ еще расплатиться, какъ домоной слуга сталъ гнать ямщика отъ большого подѣзда. Пушкинъ крикнулъ „Оставь-его“, „Оставь-его!“ П. Б.

творцу отчетливаго Русскаго самосознанія, открывшему для читателей древнюю Русь, какъ „Колумбъ открылъ Америку“, по выраженію Пушкина.

Привѣтствуемъ эту дань благодарной памяти и вспоминаемъ стихи Ѳ. И. Тютчева, обращенные къ Карамзину, когда Императорская Академія Наукъ праздновала столѣтній юбилей со дня его рожденія:

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ?
 Тебѣ, нашъ добрый, чистый геній,
 Средь колебаній и сомнѣній
 Многотревожныхъ нашихъ лѣтъ?
 Мы скажемъ: будь намъ путеводной,
 Будь вдохновительной звѣздой:
 Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
 Духъ цѣломудренно-свободный,
 Умѣвший все совокупить
 Въ ненарушимомъ полномъ строѣ,
 Все человѣчески-благое,
 И Русскимъ чувствомъ закрѣпить,—
 Умѣвший, не сгибая выи
 Предъ обаяніемъ вѣнца,
 Царю быть другомъ до конца
 И вѣрноподаннымъ Россіи...

Отношенія Карамзина къ Александру Павловичу безпримѣрны и вызываютъ къ нимъ обоимъ признательность потомства. Николай Павловичъ любилъ Пушкина, но тотъ не въ силахъ былъ уберечь отъ него нравственную независимость. Карамзинъ и Александръ познакомились въ Твери, у Екатерины Павловны, въ Мартѣ 1811 года (почти ровно за годъ до ссылки Сперанскаго). Тогдашнія бесѣды ихъ, вѣроятно, и побудили Карамзина исполнить желаніе Екатерины Павловны и вызвали его на „Записку о древней и новой Россіи“, которая доставлена была ею въ рукописи. На подлинникѣ ея надпись великой княгини: „A moi frère seul“ (т. е. только для моего брата). Тутъ Государю раскрылся вполне образъ мыслей исторіографа, и позднѣе онъ предлагалъ ему занять мѣсто Сперанскаго. Графъ Д. Н. Блудовъ передавалъ мнѣ, что Карамзинъ цѣлые сутки недоумѣвалъ, какъ ему быть и, не пожелавъ разстаться съ трудомъ своимъ, отказался. Переселившись въ Петербургъ, Карамзинъ, по тогдашней дороговизнѣ, по многочисленности семейства своего и по неумѣнью извлекать доходъ съ Арзамаской деревни своей супруги, нуждался въ деньгахъ. Государь зналъ о томъ и предлагалъ помочь такъ, чтобы никто не узналъ. Милостями царскими хвалятся, а не скрываютъ ихъ, объяснилъ Карамзинъ свой отказъ (слышано отъ

графа Д. Н. Блудова). Въ Петербургѣ онъ занималъ верхній этажъ у Е. Ѳ. Муравьевой, на углу Невскаго просп. и Анничкова моста; но передъ женитьбой сына своего Никиты она попросила очистить для него помѣщеніе. Это было лѣтомъ 1824 года. Государь предложилъ Карамзину занять домъ на Дворцовой набережной, устроенный для Софьи Дмитріевны Нарышкиной, которая сговорена была за графа Андрея Петровича Шувалова. Она скончалась невѣстою, и приготовленный для нея домъ остался пустъ. Изъ Царскаго Села Карамзинъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ женою и дѣтьми искать квартиру. Изъ любопытства они осмотрѣли и Нарышкинскій домъ; въ немъ все было такъ хорошо, что дѣти, по приказанію матери, стали передъ отцомъ на колѣни и умоляли его согласиться на предложеніе Государя. „Никогда, говорила мнѣ Елисавета Николаевна Карамзина, не видала я отца своего въ такомъ гнѣвѣ“.

Обновить память о Карамзинѣ благовременно въ наши дни, когда совсѣмъ стали забывать о немъ, а Императорская Академія Наукъ вмѣсто него такъ усердно занялась Кольцовымъ и Лермонтовымъ. Между тѣмъ у насъ нѣтъ ни обстоятельнаго изданія сочиненій Карамзина, ни подробной его біографіи. (Лучшею остается написанная М. П. Погодинымъ).

Въ жизни и дѣятельности Карамзина встрѣчаются обстоятельства мало разъясненныя. Немногимъ извѣстно, что онъ плакалъ, узнавъ о гибели Робеспьера (1794). О томъ прямо говоритъ человекъ, не бросавшій словъ своихъ на вѣтеръ, Н. И. Тургеневъ, въ своей книгѣ „Mémoires d'un Proscrit“. По всему вѣроятію, онъ слышалъ о томъ отъ отца своего Ивана Петровича, бывшаго Карамзину другомъ и единомышленникомъ. Карамзинъ прожилъ во Франціи съ Марта по Сентябрь 1790 года и въ Парижѣ провелъ три мѣсяца. Робеспьеръ, краснорѣчивый адвокатъ, историкъ и первоначально весьма скромный гражданинъ, въ то время еще не проявлялъ возмутительныхъ качествъ своихъ; онъ провозглашалъ только вѣру въ Высшее Существо и даже былъ монархистомъ. Карамзинъ могъ знать его лично и оплакивалъ то, что тотъ сдѣлался кровожаднымъ проводникомъ ученій Жанъ-Жака-Руссо, сочиненіями которыми многіе увлекались и у насъ на Руси.

Однажды, въ Гомбургѣ, князь П. А. Вяземскій удивилъ меня словами: „а вѣдь Карамзинъ былъ только *деистомъ*“. Но мы знаемъ, что онъ неуклонно исполнялъ церковныя постановленія. Еще въ Москвѣ онъ и семья его говѣли въ приходской церкви Святаго Антипы; священникъ пришелъ къ нимъ на домъ для исповѣди. Когда къ ней позвали Карамзина, онъ сказалъ: „подождите, батюшка, надо позавтракать“

и тутъ же принялся за ветчину. Священникъ отъ Карамзинныхъ пошелъ по сосѣдству къ князю С. М. Голицыну и тамъ разсказалъ объ этомъ завтракѣ, въ слѣдствіе чего добродушный князь Сергій Михайловичъ сталъ звать Карамзина безбожникомъ. Мнѣ случилось разсказать про это митрополиту Филарету, и онъ выразился про своего друга: „Забавникъ! Церковь благодаритъ Бога за такихъ людей, какъ Карамзинъ. Постъ же разнообразенъ, какъ сама жизнь, и каждый можетъ поститься по-своему“. Мы знаемъ, что Филаретъ даже священникамъ ради болѣзни разрѣшалъ скоромное въ Великій постъ (моему духовнику отцу Юлію Некрасову); а одной барынѣ, изнурявшей себя суходніемъ, однажды сказалъ: „Наложите постъ на вашъ постъ“.

Графъ Растопчинъ писалъ другу своему князю Циціанову 2 Декабря 1803 года: „Дядюшка мой Карамзинъ, сдѣланный исторіографомъ съ 2000 р. пенсіона, забывъ свою жену и отчаяніе, сговоренъ на дочери князя Андрея Ивановича Вяземскаго. Онъ влюбляется головою. И счастье и несчастье его истекаютъ изъ глазъ“. („Девятнадцатый Вѣкъ“, 31). Упрекъ неосновательный: отецъ Карамзина, овдовѣвъ, не замедлилъ жениться (на теткѣ И. И. Дмитріева); Державинъ точно также позабылъ скоро свою Пльниру и обзавелся Миленюю. Первая супруга Карамзина была старше его, вторая на четырнадцать лѣтъ моложе.

Другое обстоятельство, вызывающее наше недоумѣніе, есть отношеніе Карамзина къ Борису Годунову, котораго изобразилъ онъ въ „Исторіи Государства Россійскаго“ преступнымъ честолюбомъ, между тѣмъ какъ въ статьѣ его „Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ“ читаемъ:

„Что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго рода святынею, и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ исторія дѣлается иногда эхомъ злословія.... Мысль горестная! Холодный пепель мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословіями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, еслии клеветемъ на сей пепель; еслии несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безмысліемъ или враждою!.... Но я пишу теперь не исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣло, и, признавая Годунова убійцею Святаго Димитрія, удивляюсь небесному правосудію, которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ“.

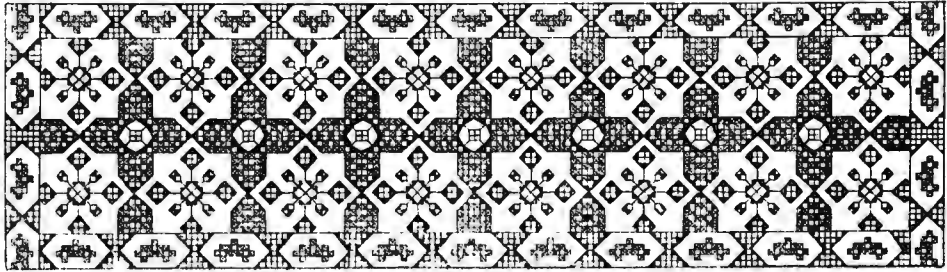
Въ слѣдъ за тѣмъ идетъ нѣсколько страницъ, въ которыхъ Карамзинъ восхваляетъ Годунова. Можно думать, что эта перемѣна въ изображеніи злополучнаго царя-избранника произошла по волѣ императора Александра Павловича, который, кажется, чутко относился къ тогдашнимъ событіямъ въ Русской исторіи. Точно также и Николай Павловичъ много думалъ о Борисѣ Годуновѣ, исторію котораго, написанную профессоромъ Павловымъ, приказалъ онъ изъять изъ продажи. Въ 1849 г., раннимъ утромъ, Николай Павловичъ гулялъ по Кремлю въ сопровожденіи барона Боде, и тотъ сказалъ ему: „вотъ мѣсто деревяннаго дворца, близъ котораго погибъ Лже-Дмитрій“ — „А тебѣ кто сказалъ, что онъ Лже-Дмитрій?“ возразилъ Государь. (Слышано отъ барона М. Л. Боде).

Многое должно разъясниться, когда вполне увидятъ оставшіяся послѣ Карамзина бумаги. Ихъ сохранился цѣлый сундукъ. Покойный П. Д. Голохвастовъ, управлявшій Карамзинскимъ имѣніемъ, Макателемомъ, видѣлъ этотъ сундукъ; но владѣлецъ, второй сынъ Карамзина, Александръ Николаевичъ, не разрѣшилъ ему доступа къ этимъ бумагамъ. Затѣмъ они достались внуку Карамзина князю Николаю Петровичу Мещерскому и должны нынѣ храниться у правнука Карамзина, князя Александра Николаевича Мещерскаго, въ селѣ Дугинѣ. Трудно допустить, чтобы Карамзинъ не сберегъ писемъ, которыя онъ получилъ отъ своей супруги и отъ своего закадышнаго друга Дмитриева.

Младшій сынъ Карамзина Владимиръ Николаевичъ, конечно, разобралъ рукописи родителя своего. Онъ извлекъ изъ нихъ цѣлую книгу, вышедшую въ Петербургѣ въ 1862 году подъ заглавіемъ „Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина“, часть первая, бол. 8-ка и 240 стр.; на послѣдней страницѣ означено „конецъ первой части“. Однако не только не послѣдовало слѣдующихъ частей, но и первая часть, можно сказать, не вышла въ свѣтъ, потому что горделивый издатель, полагавшій, что она немедленно раскупится, сжегъ ее, и лишь немногія лица успѣли получить или купить ее. Между тѣмъ въ ней напечатаны драгоцѣнные произведенія Карамзина. Извлекаемъ изъ нея нижеслѣдующее.

П. Б.

МНѢНІЕ РУССКАГО ГРАЖДАНИНА*).

Государь! Въ волненіи души моей, любящей отечество и васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчїи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ вами.

Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ, есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра, выше всѣхъ законовъ физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ, — но ихъ не отмѣняетъ. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ. Все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ; только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матерїи, внѣ пространства и времени. Мы сблизились съ небомъ въ чувствахъ, но дѣйствуемъ на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. Нѣсмь отъ міра сего, сказалъ Христосъ. А граждане и государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ (любовь есть чувство), но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять государства. Вы христіанинъ, но вы истребили полки Наполеоновы въ Россїи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады; вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ

*) Было напечатано въ „Чтенїяхъ Общества Исторїи и Древностей“. Приводится здѣсь, какъ свидѣтельство государственной заслуги Карамзина и его правъ на благодарность потомства. П. Б.

обществѣ. Какъ христіанинъ, любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. Какъ человекъ, по чувствамъ души, озаренной свѣтомъ христіанства, вы можете быть выше Марка Аврелія, но какъ царь вы тоже, что онъ. Евангеліе молчитъ о политикѣ, не даетъ новой; или мы, захотѣвъ быть христіанами-политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту; я, какъ христіанинъ, долженъ подставить другую. Непрiятель сожжетъ нашъ городъ: впусгимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепель? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже побѣжденнымъ, слѣдуя закону человеколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянь, ибо они и люди и ваши подданные, дѣти вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра; но Александръ взялъ ихъ Русскою силою, а Россіянь далъ ему Богъ, и съ ними снискалъ онъ благодѣтельную славу освободителя Европы.

Вы думаете возстановить древнее королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно-ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно-ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли вы, творецъ Священнаго Союза, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? Ибо вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ, можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали Великою. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для васъ уже свято: для васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику.

великое княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волинія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди, ни врагу, ни другу! Наполеонъ могъ завоевать Россію; но вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого за благо разсудите? Россія, государь, безмолвна передъ вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, государь, осудилъ бы ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтвую вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ; мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю; остыли бы душою и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ; вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ; но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.

Однимъ словомъ.... и Господь-сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.

Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ ваше царствованіе, но вы, государь, смѣтрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ

дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ королевства Польскаго, но мы желаемъ единой имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ нисколько не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ, тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣеть особенную силу, а бунтъ, какъ незаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянь.

Государь, Богъ далъ вамъ такую славу и такую державу, что вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя великаго: пріобрѣтите имя отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ оставлена вамъ Екатериною!... Екатерина любила васъ нѣжно, любила и наше отечество: ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умолкаю.

Царское Село. Окт. 17, 1819.

Для потомства.

НВ. Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ.... Но мы душею разстались, кажется, на вѣки... Потомство! Достоянъ ли я былъ имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?... Я не зналъ нужды по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя многочисленное семейство, безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ Государемъ; но, между прочимъ, вотъ что я сказалъ ему по-французски: *Sire, vous avez beaucoup d'amour-propre.... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je vous dis, je l'aurais dit à votre père... Sire, je méprise les libéralistes du jour: je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne vous demande plus votre bienveillance. Je vous parle, peut-être, pour la*

dernière fois¹⁾. Но вообще я мало говорилъ и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла....

Довольно сказаннаго для потомства и для сыновей моихъ, если они будутъ живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ, Дек. 29, 1819. Н. Карамзинъ.

НВ. Сказалъ еще одному человѣку: императрицѣ Елисаветѣ. 24 Февр. 1821.

Новое прибавленіе.

Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ, онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частію, и не слѣдовалъ, такъ что нынѣ, вмѣстѣ съ Россією оплакивая кончину его, не могу утѣшать себя мыслию о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь знаменитаго вѣнца: ибо эти милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго отечества. Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ Ноябрь 1824 года. Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Г.....²⁾ системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвѣщенія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные. Въ послѣдней моей бесѣдѣ съ нимъ, 29 Августа, отъ 8 до 11½ часовъ вечера, я сказалъ ему какъ пророкъ: Sire, vos années sont comptées, vous n'avez plus rien à remettre, et vous avez encore tant de choses à

¹⁾ Государь, у васъ много себялюбія: я ничего не боюсь. Мы всѣ равны передъ Богомъ. То что я вамъ говорю, сказалъ бы и вашему отцу. Государь, я презираю современныхъ вольнодумцевъ; люблю только такую волю, которой никакой тиранъ не можетъ у меня отнять. Не прошу вашего благорасположенія. Говорю съ вами, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

²⁾ Гурьевской. П. Б.

faire pour que la fin de votre règne soit digne de son beau commencement*). Движеніемъ головы и милою улыбкою онъ изъявилъ согласіе; прибавилъ и словами, что непременно все сдѣлаетъ: дать коренные законы Россіи.

Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ незапно отнялъ Александра у Россіи. Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать объ немъ. Я любилъ его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на монарха и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели.

С.-Петербургъ. 18 Дек. 1825.

ДЛЯ СВѢДѢНІЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ И ПОТОМСТВА.

Безъ моего исканія удостоенный довѣренности, я предлагалъ нынѣшнему императору Николаю Павловичу начать Манифестъ о восшествіи его на Престолъ такъ:

„Въ сокрушеніи сердець нашихъ (то есть, всѣхъ Русскихъ) и пораженныхъ столь незапною кончиною Государя Императора Александра Павловича, можемъ только, какъ христіане, смиряться духомъ предъ Всевышнимъ и молить Его, да, пославъ намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго Великаго Монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и чело-вѣчества“.

„Въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра I-го, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности законному наслѣднику Престола, согласно съ уставомъ блаженный

*) Государь, лѣта ваши сочтены. Вамъ нельзя больше откладывать, а вамъ еще столько надо сдѣлать для того, чтобы конецъ вашего царствованія достоинъ былъ его прекраснаго начала.

памяти родителя нашего, Государя Императора Павла Петровича, старѣйшему брату нашему, Государю Цесаревичу, Великому Князю Константину Павловичу“, и проч. и проч.

Государь Николай Павловичъ сказалъ, что ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому написать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

„Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Насъ, Императорскій Нашъ Домъ и любезное отечество Наше объявшей, въ единомъ Богъ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата Нашего, Мы лишились отца и Государя, двадцать пять лѣтъ Россіи и Намъ благотворившаго. Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27 день Ноября мѣсяца до Насъ достигло*), въ самый первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдующаго движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату Нашему, Госуд. Цесаревичу и Вел. Князю Константину Павловичу, яко законному по праву первородства Наслѣднику Престола Всероссійскаго“.

Заключеніе предлагалъ я такое (послѣ словъ: присягу въ вѣрности учинить Намъ и Наслѣднику Нашему и проч.).

„И Мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицомъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Вѣнценосца! Да будетъ Наше царствованіе только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ пріобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, государственною и воинскою доблестію, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочною нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердецъ невинныхъ! Да будетъ престолъ Нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ челоуѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ Безсмертный: тотъ, коего священная память должна питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа Россійскаго“.

*) Мои слова.

Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, видъ самохвальства, излишнія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано)⁴.

„Наконецъ Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы ихъ къ Всевышнему, да ниспешлетъ Намъ силы къ понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на Насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія Наши¹⁾ жить единственно для отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Государя. Да будетъ царствованіе Наше токмо (у меня: только) продолженіемъ царствованія его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ“ (вмѣсто: любовь народа Россійскаго).

Одинъ Богъ знаетъ, каково будетъ наступившее царствованіе. Желая, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю, въ хорошемъ смыслѣ.

Сыновьямъ моимъ благословеніе, потомству привѣтствіе изъ гроба!

С.-Петербургъ, 16 Дек. 1825.

Письма Н. М. Карамзина къ его супругѣ изъ Петербурга въ Москву 1816 г.

1.

С.-Петербургъ, 3 Февраля (1816) 6 часовъ вечера.

Милый другъ! Вчера въ 6 часовъ вечера вѣхали мы²⁾ въ городъ благополучно, долго искали пристанища, и наконецъ вошли въ холодныя комнаты; но теперь онѣ уже нагрѣлись, и можно въ нихъ жить. Я здоровъ совершенно. Сію минуту былъ у Великой Княгини, по старому милостивой; узналъ принца, умнаго и привѣтливаго; завтра, какъ думаю, увижу Императрицу вдовствующую; а когда Императора, еще не знаю. Великая Княгиня много спрашивала о тебѣ съ видомъ искренняго участія. Я видѣлъ многихъ, но еще гораздо болѣе надобно видѣть. Не смотря на усталость моихъ лошадей, я не усталъ духомъ,

¹⁾ Мои слова въ отрывкѣ.

²⁾ Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ и привезъ готовые къ печати первые восемь томовъ своей Исторіи. П. Б.

ни тѣломъ, а только грущу.... Изъ здѣшнихъ царедворцевъ видѣлся я съ кн. А. Н. Голицынымъ: онъ меня ласково или учтиво принялъ. Я бы не узналъ его: такъ онъ перемѣнился наружностію. Обѣдалъ у графа Ростопчина, какъ у свойственника любезнаго. Впрочемъ еще не знаю, какъ буду проводить время. Вообще не могу доселѣ жаловаться. Какъ-то обойдется съ мною Императрица!..

2.

С.-Петербургъ, 7 и 8 Февраля 1816.

.....Поговоримъ о Петербургѣ. На другой день я былъ у Императрицы Маріи; не удивился ея милостивому приему, но до крайности удивился ея молодости и свѣжести: это прекрасная женщина въ 40 лѣтъ; говоритъ любезно, складно и съ рѣдкою легкостію¹⁾. Разговоръ нашъ продолжался минутъ 20 или еще менѣе; а мы коснулись и до нравственности и до самыхъ отвлеченныхъ идей, не забывая, разумѣется, Исторіи. Извиняясь, что не можетъ теперь дать мнѣ болѣе времени, она сказала съ чувствомъ: *pensez à l'état d'une mère qui marie sa dernière fille*. (Подумайте о состояніи матери, которая выдаетъ замужъ²⁾ послѣднюю свою дочь). Спрашивала о тебѣ, объ дѣтяхъ; заставила меня перецѣловать сыновей Великой Княгини; нашла, что я не такъ похудѣлъ, какъ ей сказали, и проч. Вотъ и конецъ моихъ свиданій съ Императорскою фамиліею. Жду повелѣнія Государева явиться къ нему съ Исторіею черезъ графа Н. А. Толстаго: такъ ему угодно; онъ не приказалъ (какъ объявили мнѣ), чтобы я представлялся черезъ оберъ-камергера. Боюсь только, что это можетъ продлиться и недѣлю и двѣ и три въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Готовятся къ свадьбѣ и праздникамъ; развѣ около 20 затихнетъ шумъ. Сколько дней для меня потеряно! Впрочемъ не могу нахвалиться учтивостію, привѣтствіями и ласками здѣшнихъ жителей и бояръ. Il n'y a pas de doute que la civilisation a fait plus de progrès ici qu'à Moscou³⁾. Обѣдаю у Ростопчина, у канцлера, у гр. Сергѣя Петровича, у графини Лаваль, Полторацкаго⁴⁾ и проч. и проч.

¹⁾ Т. е. по-французски. По-русски она говорила такъ, что Жуковский не могъ понимать ее. П. Б.

²⁾ Великую княжну Анну Павловну, позднѣ королеву Нидерландскую. П. Б.

³⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь гражданственность сдѣлала болѣе успѣховъ нежели въ Москвѣ.

⁴⁾ Дмитрія Марковича, женатаго на дочери Коломенскаго купца, собирателя древнихъ рукописей. Полторацкій подарилъ Карамзину такъ называемую Ипатьевскую лѣтопись. П. Б.

Послѣ обѣда ѣзжу изъ дома въ домъ, т. е. бываю въ двухъ или трехъ мѣстахъ. *La liste de mes visites est augmentée d'une douzaine de noms*¹⁾. Еще у половины не былъ; многіе уже пеняютъ мнѣ. Всего важнѣе то, что я оставилъ мерзкую отель гарни и переѣхалъ къ доброй Катеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, которая, узнавъ, что я буду въ Петербургѣ, велѣла топить для меня свой верхній этажъ²⁾. Я вижу въ ней родную. На той почтѣ буду писать къ Ивану Ивановичу³⁾, котораго порученія всѣ исправлены мною: я былъ у Н. Я. Плюсковой и нашелъ въ ней пріятную женщину; благодарилъ отъ него Д. И. Трощинскаго, и проч. Будучи безпрестанно въ движеніи, я не ступилъ почти ни шагу къ главной цѣли. Одинъ вельможа или бояринъ (ибо здѣсь нѣтъ вельможъ кромѣ одного графа Аракчеева, какъ сказываютъ) вымолвилъ моему пріятелю такое слово: „Карамзинъ хочетъ, чтобы казна дала деньги на печатаніе его Исторіи; но сумма велика, и вѣроятно, что по новымъ правиламъ экономіи ему откажутъ, или не откажутъ да не дадутъ. Въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ предложилъ бы ему 50 тысячъ для сего дѣла“⁴⁾. Я радъ, что у насъ такіе бояре; но скорѣе брошу свою Исторію въ огонь, нежели возьму 50 тысячъ отъ партикулярнаго человѣка. Хочу единственно должнаго и справедливаго, а не милостей и подарковъ.

Кн. Алексѣй Щербатовъ⁴⁾ здѣсь, и мы вмѣстѣ проводимъ нынѣшній вечеръ у О. П. Козодавлева. Вчера видѣлъ я племянника, сына Ѳедора Мих., и обнималъ его со слезами: прекрасный мальчикъ! Вообрази, что у меня въ одно утро было 12 гостей, и все добрыхъ пріятелей! Но всѣ здѣшнія ласки приводятъ меня въ грусть: ты не дѣлишь ихъ со мною и не видишь, какъ твоего плѣшиваго мужа уважаютъ въ Петербургѣ! Съ хорошимъ или дурнымъ намѣреніемъ распустили слухъ, что мнѣ уже дано то и то. Знай, что я видѣлъ и Шишкова: бесѣдовалъ съ нимъ втроемъ около трехъ часовъ. Сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною... о происхожденіи Славянскихъ словъ. *J'ai du tendre pour mes ennemis, si j'en ai*⁵⁾. Хожу пѣшкомъ рано, часу въ осьмомъ и девятомъ и все одною дорогою, отъ Аничковскаго мосту до Казанской... Это письмо дописываю уже во Вторникъ. Прибавлю еще, что я былъ у обѣдни у кн. Голицына: прекрасная церковь,

¹⁾ Перечень монаховъ посѣщеній умножился дюжиною именъ.

²⁾ На Фонтанкѣ, на пути къ Адмиралтейству, пройдя Аничеву мостъ, на право, въ третьемъ домѣ, принадлежавшемъ потомъ г. Шиловскому. П. Б.

³⁾ Дмитріеву, съ которымъ Н. Я. Плюскова была издавна въ дружбѣ. П. Б.

⁴⁾ Тогда еще вдовецъ послѣ своего брака съ сестрою князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

⁵⁾ У меня—нѣжность къ моимъ непріятелемъ, если они у меня есть.

служба и пѣніе. Изъ моихъ новыхъ знакомыхъ наименоую кн. Александра Ник. Салтыкова: человѣкъ умной и пріятной. Вчера мы просидѣли съ нимъ до втораго часу ночи. Пишу къ тебѣ безъ связи и спѣшу отправить письмо.... Завтра свадьба¹⁾: не поѣду ни во дворецъ, ни на балъ, ни въ маскарадъ; и въ Москвѣ и въ Петербургѣ не люблю блестящихъ собраній.... Нѣсколько разъ поцѣлуй за меня Сояюшку, Катеньку, Андрея, Сашу: всѣмъ вамъ именемъ Божиимъ даю благословеніе. Простите, да сохранить васъ Всевышній! Я здоровъ и начинаю ѣсть со вкусомъ; въ первые дни у меня что-то не было аппетита. Скажи отъ меня ласковое слово другу Ивану Ивановичу, Сергѣю Сергѣевичу²⁾, кн. Андрею Петровичу, etc, etc. Вотъ записка экономическая: карета въ мѣсяць 500 рублей, лакей 70 р., на пищу двумъ человѣкамъ 60 р. Другихъ издержекъ мало. Огарева въ кашлѣ, мужъ ея также нездоровъ; но оба встрѣтили меня какъ роднаго. Князь Петръ здоровъ.

3.

С.-Петербургъ, 11 Февраля 1816.

.....Я здоровъ совершенно, и Невская вода не вредитъ мнѣ; ѣмъ и сплю не худо; всякое утро, иногда на разсвѣтъ, хожу пѣшкомъ. Какой прекрасной городъ! Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я здѣсь, и все ѣзжу съ визитами. Отъ Государя ни слова. Императрица Марія не рѣдко говоритъ объ мнѣ съ другими, какъ мнѣ сказываютъ. Чтò будетъ далѣе, не знаю; но знаю, что 10 Марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ѣхать къ вамъ назадъ и болѣе не заглядывать въ Петербургъ, хотя не могу довольно нахвалиться ласками здѣшнихъ господъ и пріятелей. Обѣдъ за обѣдомъ; зовутъ и на вечеръ; пишутъ обязательныя записки; однимъ словомъ купаюсь какъ сыръ въ маслѣ!! Пріятельница г-жи Сталь, наша графиня Лаваль³⁾, поетъ мнѣ комплименты какъ Сирена. Я отъ роду не живалъ такъ: вообрази, что съ 11 часовъ скачу съ визитами! И хорошо дѣлаю: это лучшее разсѣяніе; почти не затворяю рта и не имѣю времени грустить. На страницѣ едва ли упишу имена тѣхъ, которые велѣли мнѣ увѣрить тебя въ любви или въ почтеніи; упомяну однакожъ и о доброй Огаревой, Лобановыхъ, Растопчиныхъ, Румянцевѣхъ и старомъ пріятелѣ Пестелѣ⁴⁾.

¹⁾ Велик. Кн. Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ въ послѣдствіи королемъ Нидерландскимъ. П. Б.

²⁾ Кушникову. П. Б.

³⁾ Внука очень умнаго и образованнаго человѣка, статсъ-секретаря Екатерины Великой Г. И. Козицкаго. П. Б.

⁴⁾ Долго служившемъ въ должности Московскаго почтъ-директора. П. Б.

Однакоже знай, что нашелся одинъ человекъ, старой знакомецъ, которой принялъ весьма холодно, и объявилъ, что ему извѣстенъ мой образъ мыслей, *contraire aux idées libérales*¹⁾, то есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара. Онъ думаетъ, что мнѣ лучше печатать свою Исторію въ Москвѣ, и я съ нимъ согласился; это между нами. Живу у доброй Катерины Ѳедоровны какъ дома, и только нынѣшній день въ первый разъ буду у нея обѣдать. Скажи другу Ивану Ивановичу, что даже и Лазаревичъ Армянинъ звалъ меня на обѣдъ, на которой однакожь не поѣду, не будучи ни случайнымъ, ни обжорою. Скоро наши любезные Малиновскіе отправятся въ Москву; они поговорятъ съ тобою обо мнѣ. Алексѣй Ѳедоровичъ получить нѣчто въ знакъ благоволенія. Съ княземъ Петромъ иногда вмѣстѣ обѣдаемъ. Въ Москвѣ будетъ новой почтъ-директоръ²⁾; мнѣ жаль Д. П. Рунича, которому слѣдовало бы имѣть это мѣсто. Здѣсь теперь все занято праздниками авось скоро узнаю что нибудь рѣшительное въ разсужденіи моей Исторіи. Доселѣ не сержусь и такъ спокоенъ, какъ младенецъ. Что-то наши младенцы?Судьба наша зависитъ отъ Бога: слѣдственно въ хорошихъ рукахъ.

4.

С.-Петербургъ, 14 Февраля 1816.

.....Третьяго дня былъ я на маленькомъ дѣтскомъ балѣ у гр. Толстаго и чуть не залился слезами, смотря на малютокъ и матерей ихъ. Богъ да хранить насъ! Поговоримъ о Петербургѣ.

Я видѣлъ Императора, но только видѣлъ. Вчера вдовствующая Императрица прислала звать меня на свой блестящій балъ, какъ увидишь изъ приложенной записки. Она раза три говорила со мною; предлагала мнѣ играть въ карты и замѣтила, когда я, до крайности утомленный, въ 12 часовъ уѣхалъ. Милость ея любезна. Вчерась же по утру сказали мнѣ именемъ Государя, что онъ послѣ праздниковъ пришлетъ за мною, и прибавили отъ себя, что всякое мое справедливое желаніе безъ сомнѣнія будетъ имъ исполнено. Болѣе ничего не знаю. Государыня Елисавета Алексѣевна изъявила намѣреніе принять меня безъ чиновъ на сихъ дняхъ и слушать мою Исторію. Я любовался вчера всею Императорскою фамиліею и тѣмъ пріятнѣе, что они всѣ, какъ мнѣ сказывали, милостиво отзываются о твоёмъ другѣ; всѣ, кромѣ самаго Государя, о расположеніи котораго не имѣю никакого понятія. Не хочу угадывать. *C'est avec intérêt que je l'ai vu entrer*

¹⁾ Противный свободолубивымъ мыслямъ.

²⁾ Рушковскій, замѣнившій К. Я. Булгакова. П. Б.

dans la salle, conduisant sa mère; je l'ai fixé bien des fois et pensé: je t'admire et je voudrais t'aimer beaucoup! Il a une belle physionomie¹⁾. Изъ новыхъ примѣчательныхъ знакомствъ наименую тебѣ Капо д'Истріа; онъ въ большой довѣренности и показался мнѣ любезнымъ, откровеннымъ, такъ что князь А. Н. Голицынъ, познакомивъ насъ, черезъ 10 минутъ замѣтилъ съ шуткою, что мы уже говоримъ какъ старые знакомцы. Можетъ быть, я еще съ нимъ увижусь и дѣйствительно короче познакомлюсь. Вообще, не обижая Москвы, нахожу здѣсь болѣе умныхъ, приятныхъ людей, съ которыми можно говорить о моихъ любимыхъ матеріалахъ.... Румянцевы рады ежедневно быть со мною. Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными неприятелими и скажу имъ: есмь единъ посредѣ васъ и не усташуся! Видѣлъ во дворцѣ и К.....²⁾; вѣроятно, что онъ вымышляетъ какіе-нибудь новые доносы и жетъ по обыкновенію. Шишковъ честенъ и учтивъ, но тупъ. Собираюсь на первой недѣлѣ осмотрѣть Эрмитажъ, Казанскую церковь, Библиотеку и проч., хотя неизвѣстность еще безпокоитъ меня. Повторяю, что 10 Марта надѣюсь сидѣть въ кабинетѣ. Жить у милой доброй Катерины Ѳедоровны есть для меня величайшая выгода: это сестра родная. Жду брата Ѳедора. Булгаковъ почтъ-директоръ въ Москвѣ. Пошли, милая, мамушкина мужа поздравить Д. П. Рунича съ полученіемъ чина... Я совершенно здоровъ и даже сплю хорошо отъ усталости. Этотъ родъ жизни однакожь можетъ сдѣлаться тяжелымъ à la longue³⁾.

5.

Петербургъ, 18 Февраля 1816.

.....Государь, какъ ты знаешь, обѣщался позвать меня въ кабинетъ послѣ праздниковъ. Черезъ два дня постъ, но говѣнье опять можетъ быть препятствіемъ. Увидимъ. Добрые люди на всякій случай даютъ мнѣ мысль продать свою Исторію тысячъ за сто, то есть, если не увижу Государя еще недѣли три, или казна не выдастъ мнѣ денегъ для ея печатанія. Покупщикъ, можетъ быть, найдется; но согласно ли это съ достоинствомъ Россійской Имперіи и съ честью историографства? Между тѣмъ мнѣ щастье въ Императрицахъ и въ публикѣ: первыя милостиво говорятъ обо мнѣ, съ кѣмъ могутъ. Елисавета Алексѣевна разспрашивала у графа Раstopчина о тебѣ, о твоей наружности

¹⁾ Съ любопытствомъ глядѣлъ я на него, когда онъ велъ въ залу свою мать; нѣсколько разъ впередъ я въ него глаза и думалъ: восхищаюсь тобою и хотѣлъ бы очень тебя любить! У него прекрасная наружность.

²⁾ Павла Ивановича Кутузова. П. Б.

³⁾ Продолжалась.

и душѣ, и сказала: *Eh bien, je crois la voir* (по словамъ графа). Великая Княгиня (по его же словамъ) сказала ему: *notre historiographe court la ville, mais pourquoi est-ce qu'on le cajole?* онъ отвѣчалъ: *c'est qu'il est le suisse de l'immortalité*. Она засмѣялась, и послѣ съ важностью промолвила: *je voudrais pourtant que cela fut déjà fini*¹⁾. Вчера былъ у меня еще посоль отъ В. К. Маріи Павловны, Глинка, кавалеръ при Великихъ Князяхъ, и звалъ меня къ ней. Всѣми здѣшними не могу нахвалиться. Будущіе обѣды, записанные въ моей книжкѣ, идутъ уже до Воскресенья второй недѣли поста: суди, любятъ ли здѣсь гостепріимство! На сихъ дняхъ поѣду въ гости и къ Англійскому Клубу: директоры приглашаютъ меня. Я не хотѣлъ и не думалъ быть на праздникахъ; однакожь, какъ тебѣ извѣстно, былъ на балу у Императрицы, а нынѣшній день буду въ маскарадѣ Таврическаго дворца, потому что, едва ли не по приказанію Государеву, доставленъ мнѣ билетъ чрезъ кн. А. Н. Голицына, и потому что Императоръ весьма занимается симъ праздникомъ, такъ что знатную часть вчерашняго утра провелъ въ Таврическомъ дворцѣ, все самъ учредилъ и проч. Какъ не ѣхать къ такому доброму хозяину, когда онъ зоветъ! Гостей будетъ около 3000, а отставныхъ только 60; тремъ стамъ, большею частію класснымъ, не дали билетовъ. Вотъ подробности самыя исторіографическія, по крайней мѣрѣ историческія! Но милая жена моя всему рада отъ мужа, видя, что онъ здоровъ и почти веселъ. Дай Богъ, чтобы я не былъ въ худшемъ расположеніи: тогда выѣду изъ Петербурга съ искреннею признательностію. Чтò касается собственно до города, то онъ удивительно прекрасенъ: въ Европѣ нѣтъ другаго Петербурга. Постъ начну осмотромъ Эрмитажа и Казанской. Мало, что я мыкаюсь съ обѣда до полуночи: всякое утро бываютъ у меня люди, и пріятели, и новыя лица. Скажи Ивану Ивановичу, что нашъ велемудрый законодатель Розенкамповъ, столь ему извѣстный, самъ явился ко мнѣ для знакомства и былъ пріятливъ до крайности. Съ Румянцевыми живу душа въ душу: слава ихъ отца и собственныя ихъ достоинства вселили въ меня искреннюю любовь къ нимъ, хотя мы отчасти и разныхъ системъ. Измѣнилъ мнѣ только одинъ человекъ: бѣдной! А какъ здѣсь пишутъ о тарифѣ, какъ врутъ, какъ хотятъ обманывать Государя! Славный мой обѣдъ съ непріятелями не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмуясь, хотя я и старался забавлять ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіей. Добрый старикъ Держа-

¹⁾ Я думаю, что ее увижу.—Нашъ исторіографъ разѣзжаетъ по городу; но почему его ласкаютъ? Потому что онъ проводникъ къ безсмертію.—Однако я желала бы, чтобы это кончилось.

винъ вздумалъ было произвести меня въ члены Россійской Шишковской Академіи; но я сказалъ ему, что до конца моей жизни не назовусь членомъ никакой Академіи и не буду ни въ какомъ такъ называемомъ ученомъ обществѣ. Даже и К.... обѣдалъ съ нами; онъ въ волненіи духа и спрашивалъ у меня, когда уѣду въ Москву? Онъ вѣрно не безъ страха, и мнѣ почти хотѣлось бы успокоить его: вотъ казнъ злобы душевной мерзости! Не знаю, кто больше обрадуется: ты ли моему пріѣзду, или онъ моему отъѣзду! Къ вамъ ѣдетъ новый почтъ-директоръ: можешь въ случаѣ нужды адресоваться къ нему; мы съ нимъ познакомились. Милая хозяйка моя не измѣняется въ своихъ ласкахъ: всего чаще говорю съ нею о тебѣ. Вотъ истинная жена Михайла Никитича! Не могъ я выбрать лучшаго жилища, и это украсило для меня Петербургъ. Съ княземъ Петромъ только иногда обѣдаемъ вмѣстѣ, за исключеніемъ одного вечера, который онъ до втораго часа ночи провелъ у меня съ нашими молодыми пріятелями. Онъ на всѣхъ балахъ, однакожъ, по его словамъ, не очень веселится; я умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и потому веселюсь, пою какъ соловей!...

6.

С. Петербургъ, 22 Февраля 1816.

.....Неизвѣстность, для тебя и для меня огорчительная, не продолжится болѣе двухъ недѣль: еще повторяю, что около 10 Марта съѣзжу къ оберъ-гофмейстеру и скажу ему, что я, оставивъ въ Москвѣ жену и дѣтей, прошу позволенія ѣхать къ нимъ обратно. Не можешь вообразить, какъ я по милости Божіей спокоенъ въ душѣ и выше элементовъ придворныхъ! Не хочу презирать себя: *c'est tout dire, et tu me comprends*¹⁾. Не сдѣлаю ничего непристойнаго; знаю отношенія подданнаго къ Государю и долгъ нашего къ нему благоговѣнія. Государь и вся Императорская фамилія были заняты праздниками, теперь заняты говѣніемъ и молитвою, на второй недѣлѣ будутъ заняты прощаніемъ съ великою княгинею, а въ половинѣ третьей я уже займусь своимъ отъѣздомъ въ Москву; мѣра терпѣнія моего исполнится. *J'ai assez bien vu les choses, étant encore à Moscou; j'ai fait ce que j'ai dû faire et je ferai ce que dois faire; ton ami sait ce qu'il doit à son souverain, mais il sait aussi ce qu'il doit à sa propre dignité morale. Mais parlons un peu de mon séjour à Pétersbourg*²⁾. Я писалъ къ тебѣ о ма-

¹⁾ Тутъ все сказано, и ты меня понимаешь.

²⁾ Вѣдѣлъ я довольно, еще живучи въ Москвѣ. Я дѣлалъ что долженъ былъ дѣлать, и стану дѣлать, что мнѣ должно дѣлать. Твой другъ знаетъ свой долгъ къ своему Государю, но знаетъ онъ свой долгъ и къ собственному нравственному достоинству. Поговоримъ немножко о моемъ пребываніи въ Петербургѣ.

скарадѣ: онъ былъ самымъ царскимъ праздникомъ; никогда не видалъ я такого феерверка и столь великолѣпной огромностию и освѣщеніемъ залы: около трехъ тысячъ людей не тѣснились въ ней. Но если многіе изъ бывшихъ тамъ веселились, то многіе и досаждаютъ, не получивъ билетовъ. Мужъ твой сдѣлался здѣсь героемъ: въ одномъ маскарадномъ платьѣ (графа Румянцева) и въ башмакахъ ходилъ по холоднымъ коридорамъ, два часа сидѣлъ въ холодной комнатѣ, чтобы смотрѣть феерверка, и послѣ, вышедши въ поту изъ огромной залы опять въ холодныя сѣни, нимаго не простудился! Кареты не ждалъ ни двухъ минутъ, потому что уѣхалъ рано, въ 11 часовъ, пить чай и ужинать къ хозяйкѣ. Ты, милая, требуешь отъ меня журнала: и такъ знай, что въ Субботу обѣдалъ я у Полторацкаго, часть вечера былъ у брата Ѳедора и добрыхъ, любезныхъ племянницъ, которыя отъ тебя безъ памяти; другую часть вечера провелъ у княгини Александры Петровны Голициною¹⁾, а въ 12 часу ночи отправился на большой балъ къ графинѣ Лаваль, гдѣ начинали только съѣзжаться; въ первомъ часу уѣхалъ и на крыльцѣ встрѣтилъ лорда Каткарта, пріѣхавшаго на балъ съ своимъ семействомъ. Видишь, какъ здѣсь не перенимаютъ новой моды ложиться рано. Въ Воскресенье обѣдъ у Олениныхъ. Они ко мнѣ, очень ласковы, хотя и новые знакомые, такъ что, проболтавъ у нихъ до 8 часовъ, я уже не захотѣлъ никуда ѣхать; заѣхалъ только къ брату Ѳедору и спѣшилъ домой на постелю, чтобы отдохнуть. Сплю вообще хорошо и ѣмъ за двоихъ; надѣюсь, что не похудѣю. Въ Понедѣльникъ обѣдъ у добраго Столыпина²⁾, и самой пріятельской, а вечеръ у Растопчина; во Вторникъ, нынѣ, обѣдаю у нашего законодателя Розенкампа, а вечеръ у канцлера и Козодавлева, какъ думаю. У Лобановыхъ обѣдалъ: они всегда говорятъ о тебѣ съ любовію. У Нелединскихъ я уже не былъ дней шесть; они какъ-то слишкомъ заняты собственнымъ и не всегда привѣтливы; иное дѣло князь Василій: это братъ, хотя и съ нимъ вижусь рѣдко; Мордвиновъ все такъ же добродушенъ и здѣсь очень не въ модѣ; а Муромцевъ, по старому, спорить и любить; Авдотья же Селиверстовна ласкаетъ и плачетъ. Нашъ князь Алексѣй Щербатовъ заѣзжалъ ко мнѣ раза два: видѣлся со мною только на балѣ, въ маскарадѣ, и кончить, думаю, тѣмъ что женится. У Мятлевыхъ я былъ и не засталъ ихъ; буду еще; они зовутъ меня. Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всѣхъ сердечнѣе, ласковнѣе: добрая хозяйка, Малиновскіе, Арзамасское общество нашихъ молодыхъ литераторовъ, Румянцевы, Огаревы, Оленины, Полторацкіе: но со всѣми

¹⁾ Это сестра графини Растопчиной и другъ ея мужа. П. Б.

²⁾ Аркадія Алексѣевича, женатаго на дочери адмирала Мордвинова. П. Б.

вижусь рѣдко, ибо вижу многихъ и не умѣю отказываться отъ обѣдовъ. Вообще всѣ хороши со мною; не только зовутъ, но и ѣздятъ ко мнѣ по утрамъ, такъ что всякое утро принимаю человѣкъ пять; являются и незнакомые. Не могу похвалиться дружбою великой княгини: она мнѣ только съ ласкою кланялась во дворцѣ; говоритъ, что занимается моимъ дѣломъ; хочетъ звать меня къ себѣ и не зоветъ. Богъ съ нею и со всѣми! Ничего не требую и доволенъ. Вчера осматривалъ я Эрмитажъ: сколько прекраснаго! Строки твои о любезной Катеринѣ Федоровнѣ заставили плакать и меня и ее: достойная жена покойника! Милой Андрюша! Какъ хорошо умѣла ты описать движеніе его маленькаго сердца! Нѣжно, нѣжно поцѣлуй за меня всѣхъ дѣтей, не забывая и Саши тихаго. Спасибо дочерямъ за ихъ посланія. Катенька требуетъ особенныхъ отъ меня писемъ: это размѣшило меня.—Ты хочешь знать мой туалетъ: распудренъ, причесанъ славно за 30 рублей въ мѣсяцъ, большею частію въ черномъ фракѣ, въ башмакахъ, и хоть куда: находять, что я не такъ старъ. Дай Богъ, чтобы ты по возвращеніи тоже обо мнѣ сказала! Обнимаю друга Ивана Ивановича, Сергѣя Сергѣевича, князя Андрея Петровича, и всѣхъ кто тебя посѣщаетъ; въ особенности почтеннаго П. И. Приклонскаго и князя Ивана. Съ любовію цѣлую руку у доброй княгини Вѣры¹⁾, у К. А. Рябининой и графини Паниной. Скоро будутъ къ вамъ Малиновскіе съ перстнемъ и съ рескриптомъ, а я можетъ быть ни съ чѣмъ, но безъ зависти и съ благодарностію къ Богу, если Онъ сохранитъ тебя, милая, и нашихъ остальныхъ дѣтей. Благодарю Бога и радуйся: потому что я здоровъ и спокоенъ, это главное; а къ тому еще уважаютъ меня....

7.

С. Петербургъ, 24 и 25 Февраля 1816.

.....Уже три недѣли я здѣсь и теряю время на суету: не двигаюсь впередъ, и дѣйствительно имѣю нужду въ терпѣніи. Почти ежедневно слышу, и въ особенности черезъ великую княгиню, что Государь благорасположенъ принять меня—и все только слышу. Видишь, какъ трудно войти въ святилище его кабинета! Вчера графъ Капо д'Истріа (сидѣвшій у меня три часа) въ утѣшеніе говорилъ мнѣ, что Государь во все это время еще никого не принималъ у себя въ кабинетъ: слѣдственно надобно ждать! Ты, милая, заставила меня посмѣяться надъ тобою, сказавъ, что я вѣрно не употребляю всѣхъ способовъ отдѣлаться поскорѣе: дѣйствительно жду только, и болѣе ничего не дѣлаю; но для того, что дѣлать нечего. Государь не можетъ забыть,

¹⁾ Княгини Вѣры Федоровны Вяземской. П. Б.

что исторіографъ здѣсь: ибо самъ, какъ мнѣ сказывали, говорить обо мнѣ; а принудить его никто безъ сомнѣнія не возмется..... Буду молчать до третьей недѣли поста; а тамъ скажу, что пора мнѣ домой, какъ я уже писалъ къ тебѣ. Государь причиною того, что не вижу и милостивыхъ, любезныхъ Императрицъ, ни великихъ княгинь. Скажу тебѣ нѣсколько словъ о вельможѣ¹⁾. Вчера входитъ ко мнѣ ординарецъ его, съ запискою отъ адъютанта, что графъ ждетъ меня въ 6 часовъ вечера. Догадываюсь и отвѣчаю, что не я, а братъ мой Фѳедоръ, старинной сослуживецъ графа, былъ у него наканунѣ, не имѣвъ частія видѣть его. Адъютантъ извиняется весьма учтиво и пишетъ, что онъ дѣйстви-тельно ошибся, и что графъ ждетъ брата. Братъ является, и графъ съ низкимъ поклономъ говорить ему: „радуюсь случаю познакомиться съ такимъ ученымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что я былъ нѣкогда пріате-лемъ вашего братца“. Фѳедоръ Михайловичъ отвѣчаетъ: „Ваше сіятель-ство! Я не исторіографъ, а самой вашъ старинной знакомецъ!“ Слѣ-дуютъ объятія, ласки. Открылось, что графъ ждалъ исторіографа, узнавъ, что пріѣзжалъ къ нему Карамзинъ. Но могъ ли я, имѣя извѣстный тебѣ характеръ, ѣхать къ незнакомому мнѣ фавориту? Это было бы нахально и глупо съ моей стороны. Однакожь этотъ случай ставитъ меня въ неприятное положеніе: другъ Государевъ уже объявилъ свое расположеніе принять меня учтиво и обязательно: если не буду у него, то не покажусь ли ему грубіяномъ? А если буду, то не заклю-чать ли, что я пролазъ и подлой искатель? Лучше, кажется, не ѣхать. Пусть вельможа несправедливо сочтетъ меня грубіяномъ. Такъ ли думаешь, милая? Вотъ росписаніе моихъ обѣдовъ: во Вторникъ у Розен-кампа со всею законодательною комиссіею и съ его довольно-любез-ною женою, qui a un assez joli ton²⁾. Много разсужденій о сочиненіи законовъ, и проч. Я сказалъ имъ: Messieurs, le public vous accuse; vous avez eu l'air d'errer beaucoup; vous visitiez la lune sans vous donner la peine de bien connoître la Russie³⁾. Оправдывались и не убѣ-ждали меня. Вечеръ у канцлера. Въ Среду обѣдъ у графа Сергѣя Петровича съ кн. Петромъ; нѣсколько визитовъ и вечеръ съ Арзамас-скимъ обществомъ. Въ Четвертокъ обѣдъ у графа Винценгероде, нѣ-сколько визитовъ и пріятной вечеръ дѳома съ графомъ Капо д'Истріа, кн. Алексѣемъ Щербатовымъ, еще нѣкоторыми и Арзамасцами. Люблю перваго: онъ уменъ и кажется основательнымъ, franc et discret en même tems, ce qui prouve qu'il a beaucoup d'esprit. Мало, что ѣзжу: у

¹⁾ Т. е. объ Аракчеевѣ. П. Б.

²⁾ Съ довольною милою повадкою.

³⁾ Господа, публика васъ обвиняетъ; вы, повидимому, много хлопотали, вы путе-шествовали на луну, не давъ себѣ труда узнать хорошо Россію.

меня бываетъ довольно людей; je suis presque à la mode. Кормятъ меня все сладкими закусками, но мой естественный вкусъ требуетъ жены и дѣтей, которыхъ далъ мнѣ Богъ. Je commence un peu à me fatiguer, quoique je ne me gêne pas beaucoup et conserve ma franchise ordinaire¹⁾. Ты хочешь знать, чтò сдѣлалъ для меня графъ Петръ Александровичъ: познакомилъ съ братомъ своимъ, оберъ-гофмаршаломъ, и говорилъ, кажется, съ Императоромъ, давая мнѣ чувствовать, что трудъ мой не останется безъ всемилостивѣйшаго вниманія. У друга твоего нѣтъ покровителей: разумѣешь меня. Hélas! j'ai déjà peu de tems à vivre: changerois-je de caractère? Je ne suis rien aux yeux de mon Dieu; mais les hommes ne me feront pas baisser les yeux²⁾! Молись Богу, милая, чтобы Онъ сохранилъ насъ другъ для друга и для дѣтей еще по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. И это можетъ быть слабость; но я не стыжусь ее передъ Всевидающимъ. У Ланской буду и не премину исполнить волю нашего друга во всей полнотѣ ея... Выѣзжай, милая, принимай и менѣе грусти, а болѣе молись. Пиши, повторяй, сказывай, чтò съ тобою бываетъ всякой день. Не обочту тебя, милая, днями: авось 10-го выѣду, а къ 15 у тебя. Обѣты наши часто бываютъ бесполезны; но думаю, что мы уже не разстанемся, когда соединимся.

Ты, любезная, виновата, если наши Московскіе друзья и пріятели недовольны моимъ молчаніемъ: для чего всѣмъ имъ не кланяешься отъ меня? Разумѣется, что я ихъ не могу забыть. Всѣхъ, всѣхъ обнимаю; у другихъ цѣлую руку. Напомню тебѣ, что не надобно оглашать нѣкоторыхъ подробностей въ моихъ письмахъ. Печешься ли ты о моемъ конѣ? Водятъ ли его къ Шульцу? Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ сдѣланъ членомъ Совѣта. Вчера былъ у меня кн. Дмитрій Ивановичъ, твой обожатель. Пестель также членъ Совѣта; онъ кажется угадываетъ меня, а я знаю его. Nous avons été parfaitement bien, mais il me néglige depuis 10 jours. Adieu, chère et douce amie³⁾.

11 часовъ утра.

Мнѣ часто не даютъ писать, а отказывать не могу: видятъ что я дома по каретѣ; не хочу быть грубымъ и неблагодарнымъ.... Benis les enfans pour moi: je compte sur ta bénédiction plus sur la mienne.

¹⁾ Воленъ и въ это же время скромнѣе, чтò доказываетъ, что онъ уменъ. Я почти что въ модѣ.—Начинаю немного утомляться, хотя не стѣсняю себя особенно и берегу мою обыкновенную свободу.

²⁾ Увы! мнѣ осталось уже недолго жить, переменяюсь я въ моемъ нравѣ! Я ничто въ глазахъ моего Бога, но люди не заставляютъ меня опускать глаза.

³⁾ Мы были въ отличныхъ отношеніяхъ; но дней съ десять, какъ онъ считаетъ меня ни во что. Прости, милый и нѣжный другъ.

Ne sois pas fière de mes succès: prie Dieu et attends moi. Je te reviendrai plus que jamais dégoûté du monde¹⁾!....

8.

С.-Петербургъ, 28 Февраля 1816.

...Будемъ вмѣстѣ призывать имя нашего Отца Небеснаго. Онъ къ намъ добръ, потому что хранить насъ еще другъ для друга. Пожалуй, милая, пиши ко мнѣ подробно о всякомъ днѣ своемъ: письма твои столь же любопытны для меня, какъ мои для тебя, хотя въ Москвѣ и нѣтъ Двора. О себѣ скажу, что мое положеніе не перемѣнилось: къ Императору не зовутъ меня, и даже великой княгини не вижу. Почти желаю, чтобы она уѣхала въ Четвергъ, не простившись со мною: мнѣ будетъ легче или такъ же легко какъ и теперь. Нынѣшній день былъ я у великой княгини Маріи *). Она очень милостива, ласкова, любезна. О принцѣ не скажу ни слова²⁾. A sa demande, si je passois bien mon tems à Pétersbourg, je lui ai répondu: Madame, j'en suis enchanté; on me traite parfaitement bien ici; mais séparé de ma famille chérie, je perds et mon tems et ma santé à Pétersbourg, car j'y mène une vie à laquelle je ne suis nullement accoutumé: je ne fais rien et je cours toute la journée. Она: Mais l'Empereur est si occupé! Un Empereur de Russie est toujours occupé et voit pourtant ceux qu'il veut voir. Dans 8 jours je demanderai la permission de repartir pour Moscou³⁾. Она не заставила меня ждать ни минуты, хотя я пріѣхалъ ранѣе назначеннаго времени. Прощаясь звала меня опять къ себѣ, а я отвѣчалъ: j'attendrai vos ordres⁴⁾. Завтра отправляюсь къ вел. княгинѣ Аннѣ Павловнѣ въ 11 часовъ утра; вѣроятно и ею буду доволенъ. Впрочемъ я всѣми доволенъ, не смотря на сплетни, и вотъ какія. Ге-

¹⁾ Благословляй дѣтей за меня, твое благословеніе считаю я выше моего. Не гордись моими успѣхами. Молись Богу и жди меня. Возвращусь къ тебѣ, наскучивъ свѣтомъ больше, нежели когда нибудь.

²⁾ Павловны, пріѣзжавшей на вторичную свадьбу сестры своей Екатерины. П. Б.

³⁾ Этотъ принцъ былъ человѣкъ оговоренный. Мать четырехъ внучекъ Екатерины Великой не безъ расчета выбирала имъ въ супруги людей слабой волн, дабы онѣ могли надъ ними властвовать, до чего допускалъ се супругъ ея только въ началѣ своего царствованія, ознаменованнаго Суворовскимъ походомъ, однимъ изъ послѣдствій котораго было нашествіе на Россію Французовъ въ 1807 и въ 1812 годахъ П. Б.

⁴⁾ Когда она меня спросила, какъ мнѣ живется въ Петербургѣ, я ей отвѣчалъ: государыня, я въ восхищеніи отъ здѣшней жизни; здѣсь со мною обходятся отлично, но, будучи разлученъ съ моею милою семьею, теряю и время и здоровье въ Петербургѣ, такъ какъ веду здѣсь жизнь, къ которой вовсе не привыкъ. Я ничего не дѣлаю и цѣлый день на ногахъ. Она: „но Государь такъ занятъ!“ Я: „Русскій Государь всегда занятъ, и однако видитъ тѣхъ, кого хочетъ видѣть. Черезъ 8 дней я попрошу позволенія уѣхать назадъ въ Москву.—⁴⁾ Стану ждать вашихъ приказаній.

нераль Писаревъ *), котораго знаешь, пріятель графа Аракчеева и генераль-адъютанта Сипягина (какъ мнѣ объявили) рассказывалъ за секретъ въ одномъ домѣ, что Государь, услышавъ о шестидесяти тысячахъ, коихъ должна стоить казнѣ моя Исторія, сказалъ: „какой вздоръ! дамъ ли я такую сумму?“ Вѣришь ли? Я вѣрю и не вѣрю. Это не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія, ибо я уже рѣшился не говорить объ Исторіи, везти ее назадъ, спрятать до иныхъ временъ и надписать надъ манускриптомъ: à l'usage de mes enfans et de la postérité⁵⁾. Сдѣлай милость, любезнѣйшая, не говори объ этомъ никому. Скажи любопытнымъ, что надѣюсь выѣхать изъ Петербурга около 10 Марта, и что я, какъ и правда, весьма доволенъ Петербургомъ. Въ самомъ дѣлѣ, меня всѣ ласкаютъ: чего болѣе? По милости Бога мы не умремъ съ голоду и безъ Исторіи; c'est un bonheur que de n'y plus penser: nous serons libres. Je supporterai avec patience toutes les bêtises de notre chère Moscou. Pétersbourg est une belle ville; j'y ai vu quelques gens d'esprit; mais il m'est plus doux d'être au sein de ma famille, dusse-je tous les jours aller moi-meme au marché pour y acheter mon bois. Je suis très tranquille et je me porte à merveille: rends grace au Ciel.

J'ai dîné ces jours-ci chez ma bonne Катерина Федоровна, chez le comte Пушкинъ⁶⁾ (гдѣ всѣ объ тебѣ говорили), у Полторацкаго и Державина; былъ по вечерамъ у канцлера, Оленина, Козодавлева, Растопчина, Голицыной. Завтра обѣдаю съ шестью или семью избранными, Куракинымъ, Кочубеемъ, можетъ быть и Аркачевымъ, у графа Николая Петровича Румянцева. Amie chère, tu dis que mes lettres sont trop peu détaillées et sont écrites trop à la hâte: s'est vrai, mais je suis trop impatient de retourner à Moscou, j'attache trop peu d'importance à ce que je vois, à ce que j'entends, surtout depuis quelques jours. Oh! quant aux dîners, quant aux honnetetés, j'en aurois encore pour quelques semaines au moins. Dis à notre ami, que j'ai eu le plaisir d'être chez l'aimable m-me Lanskoj et que je suis resté chez elle depuis 9 heures du soir jusqu'à 11^{1/2}. Quant à son amie Наталья Яковлевна, je l'aime beaucoup; elle a aussi l'air de m'aimer. En sortant de chez la grande-duchesse, j'ai passé une heure chez cette bien aimable dame: nous causions à merveille⁷⁾. Здѣсь изъ муштинъ всѣхъ любезнѣ

*) Позднѣ попечитель Московскаго учебнаго округа. П. Б.

5) Для моихъ дѣтей и для потомства

6) Счастье: больше объ этомъ не думать. Мы будемъ свободны. Я терпѣливо буду сносить всѣ дурачества нашей милой Москвы. Петербургъ прекрасный городъ; я видѣлъ въ немъ нѣсколько умныхъ людей, но мнѣ пріятнѣе находиться въ средѣ моей семьи, если бы даже пришлось ежедневно самому ходить на рынокъ и покупать тамъ дрова. Я весьма спокоенъ и чувствую себя какъ нельзя лучше: поблагодари Небо. Эти дни я обѣдалъ у моей доброй Катерины Федоровны, у графа Пушкина. 7) Милый другъ,

для меня Арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ. Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ. Я не спѣшу ѣхать къ графу Капо д'Истрія и уже недѣли двѣ не видалъ князя Голицына: слѣдственно Плюскова ошиблась, и я не придворный. Вообрази, что я по сіе время не могу собраться на вечеръ къ князю Лопухину, который звалъ меня убѣдительно; *je suis presque barbare. Chasse Pétersbourg et la cour de tes idées; n'y vois que ton ami qui n'aspire qu'à retourner auprès de toi; oublie jusqu'à mon Histoire même. Revenu à Moscou, je continuerai pourtant cet ouvrage: il appartient à mes enfans et à ma patrie. Vive le travail! En attendant je t'écrirai ce qui m'arrivera encore. Je prévois un cas pénible: si l'Empereur ne répond rien à ma demande de retourner à Moscou, prendrais-je cela pour une permission? J'espère que tout sera plus clair dans 8 ou 10 jours d'ici. Je ne veux pas être fou et ne veux rien précipiter; mais je me sens plus fier que jamais après avoir respiré l'air de Pétersbourg!*⁸⁾).

9.

Вторникъ, 29 Февраля, 9 часовъ утра.

Здравствуй, милая! Собираясь ѣхать во дворецъ, хочу написать къ тебѣ еще нѣсколько строкъ. Я уже успѣлъ пройти пѣшкомъ версты четыре, и хотя вчера возвратился домой отъ Растопчина въ 12 часовъ, но не могъ спать долѣе 7 часовъ. Тамъ, сверхъ многихъ дамъ, была Свѣчина, женщина умная и католичка; она учтивостями и ласками хотѣла обязать меня до крайности. Надобно быть у нея, чтобы поговорить о религіи. Такой же разговоръ ожидаетъ меня у графа Местра,

ты говоришь, что въ моихъ письмахъ слишкомъ мало подробностей и что они писаны слишкомъ наспѣхъ. Это правда, но я слишкомъ нетерпѣливо желаю возвратиться въ Москву, придаю слишкомъ мало значенія тому, что вижу, тому, что слышу, особенно съ нѣкоторыхъ поръ. А что до обѣдовъ и почестей, то ихъ у меня по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль. Скажи нашему другу, что я имѣлъ удовольствіе быть у любезной госпожи Ланской и что остался у нея съ 9 час. вечера до 11^{1/2} ч. Что касается до сего друга Натальи Яковлевны, я ее очень люблю; кажется и она меня любить. Уходи отъ великой княгини, я провелъ часъ у этой любезнѣйшей особы; мы отлично побесѣдовали. ⁸⁾ Я почти что варваръ. Гони изъ головы Петербургъ и дворъ и знай въ нихъ только твоего друга, который жаждетъ возвратиться къ тебѣ; забудь даже и мою Исторію; по возвращеніи въ Москву я стану продолжать этотъ трудъ: онъ принадлежитъ моимъ дѣтямъ и моей родиѣ. Да здравствуетъ работа! Покамѣстъ буду писать тебѣ то, что со мной случится. Предвижу горестный случай: а ну, какъ Государь не дастъ никакого отвѣта на мою просьбу возвратиться въ Москву? Принимать ли мнѣ это за позволеніе? Надѣюсь, что все это разъяснится въ слѣдующіе 8 или 10 дней. Не желаю слухнуть, не желаю ничего утешать, но болѣе чѣмъ когда либо чувствую въ себѣ гордыню, подышавъ Петербургскимъ воздухомъ.

министра; но по сіе время не собрался къ нему. Знаешь, какъ не умѣю располагать временемъ. Писаревъ, можетъ быть, солгалъ, а вчера другой человѣкъ опять за тайну объявилъ мнѣ, что меня сдѣлаютъ камергеромъ! Не говори объ этомъ. Увидимъ, кто правъ. Здѣсь многіе сильно огорчены указомъ о строгомъ взысканіи недоимокъ, которыя простираются до 35 милліоновъ. Около 200 т. душъ, находящихся въ казенномъ залогѣ, могутъ быть проданы съ публичнаго торгу. Пестель остается повидимому генералъ-губернаторомъ; его ненавидятъ всѣ вообще. Жалѣю объ немъ и предвижу, что ему со временемъ могутъ встрѣтиться не-пріятности. Il est difficile de lutter contre l'opinion publique⁹⁾. Прилагаю письмо Ланской къ Ивану Ивановичу. У нихъ война болѣе за Плюскову, нежели за меня. Въ изъясненіе моего непредставленія Государю еще прибавлю, что принцъ Ольденбургскій уже давно добивается аудіенціи въ Кабинетѣ и напрасно....

10.

1 Марта 1816 г.

Милый другъ! Свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ хочетъ непремѣнно, чтобы я далъ ему къ тебѣ письмо, которое онъ самъ желаетъ доставить. Это очень обязательно и ласково съ его стороны: изъяви ему признательность. Здѣсь всѣ или почти всѣ ко мнѣ ласковы, однакожь его учтивость заслуживаетъ мою благодарность. Нынѣшнее утро съ 10¹/₂ часовъ почти до двухъ провелъ я во дворцѣ у вел. княгини Екатерины Павловны съ нашими главными боярами. Всѣ ждали и ждали. Олединая вышла сказать мнѣ нѣсколько привѣтствій и просила вооружиться терпѣніемъ. Скуки не было: я бесѣдовалъ со старыми и новыми знакомцами, на примѣръ съ Шишковымъ около часа, весьма искренно, простосердечно. Если онъ честенъ, то не будетъ (какъ ты сказала) злобиться на меня. Изъ новыхъ знакомцевъ Поповъ немало болталъ со мною. Ихъ впускали къ вел. княгинѣ по нѣсколькучеловѣкъ; наконецъ ввели и меня одного. Мы говорили минутъ 20. Она сказала: L'Empereur parle de vous et voudra peut-être entendre encore quelques chapitres de votre Histoire. Я отвѣчалъ: Je n'ai à présent qu'une seule grâce à demander à sa majesté: c'est la permission de retourner à Moscou; je ne veux plus rien. Mon coeur redemande ma femme et mes enfans¹⁰⁾. Я примолвилъ, что могу

⁹⁾ Трудно бороться противъ общественнаго мнѣнія.

¹⁰⁾ Государь говоритъ про васъ и можетъ быть захочетъ прослушать еще нѣсколько главъ изъ вашей Исторіи.—Въ настоящее время я попрошу его величество одной только милости: позволенія возвратиться въ Москву; больше ничего не хочу. Сердце мое требуетъ моей жены и моихъ дѣтей.

быть въ Германіи. Она требовала моего обѣщанія писать къ ней; вынесла и подарила мнѣ Англійскій ящикъ съ бѣлыми книжками на память, un souvenir; однимъ словомъ, мы разстались пристойнымъ образомъ. Я сказалъ ей все, что сказалъ бы самому Государю. Теперь повезу это письмо къ князю Лопухину....

11.

С. Петербургъ, 2 Марта 1816.

....Вчера, говоря съ в. к. Екатериною Павловною, я только что не дрожалъ отъ негодованія при мысли, что меня держать здѣсь бесполезно и почти оскорбительнымъ образомъ. Je lui ai demandé, si je pouvais repartir pour Moscou sans permission; elle m'a répondu que non et que je devois attendre les ordres de sa majesté. Je dis à tous ceux qui veulent m'entendre que je n'ai actuellement qu'une seule idée, celle de m'en aller. On m'étouffe ici sous des roses, mais on m'étouffe; je ne puis pas mener longtemps un pareil genre de vie; je suis trop en scène; je parle trop; cela surexcite mes nerfs outre mesure, et j'ai besoin de repos. Je me fâche très sérieusement contre celui qui a l'air de ne se soucier guère ni de moi, ni de mon Histoire. Ne m'imites pas, mon ange, et sois plus généreuse: je te le demande; surtout n'en parle pas avec les autres. Dans 4 ou 5 jours d'ici je demanderai absolument par l'entremise du comte Nicolas Tolstoy la permission de m'en aller.

La gr.-duchesse est partie ce matin. Je t'ai écrit hier avec le pr. Лопухинъ sur ma dernière entrevue avec cette charmante et bien légère¹¹⁾ princesse, si inconséquente envers moi; malgré cela je lui conserverai mon souvenir; je l'ai fort sincèrement aimée, et je ferai toujours de vœux pour elle. В. к. Анна Павловна a l'air d'être bonne et douce; elle est tellement novice dans l'art des présentations, qu'en me parlant, elle ne pensoit guère à dire un mot de moi au prince d'Orange, qui se tenoit vis-à-vis de moi et à coté d'elle sans proférer une seule parole. Je lui ai demandé enfin l'honneur d'être présenté au prince, charmant jeune homme, et je lui ai adressé ce compliment: „si jeune, vous vous êtes déjà placé au nombre des héros de tems“. Il m'a répondu avec beaucoup de modestie.—Demain, à 6 heures du soir, je dois aller chez les grands-ducs qui s'occupent beaucoup du militaire, à ce qu'on dit. Je les ai vus de loin: je les regarderai de près maintenant. Je suppose que

¹¹⁾ Ново открытыми чертами ея біографіи подтверждается этотъ отзывъ Карамзина. П. Б.

m-lle Pluskow (chez qui j'ai passé avant-hier 4 heures au moins) écrira à notre ami encore quelque chose sur l'impératrice Elisabeth: je n'en parlerai donc pas¹²⁾.

Во Вторникъ я былъ на щегольскомъ обѣдѣ у канцлера; сидѣло за столомъ человекъ 12: Куракинъ, Кочубей, одинъ графъ, ближній родственникъ императрицы, Тормасовъ, Варшавскій Ланской, Лобановы, Козодавлевъ и проч. Обѣдъ, вина, услуга были очень хороши. Въ Среду обѣдъ у графа Варооломея Толстого, въ Четвергъ у Ив. Вас. Тутолмина, въ Пятницу у Козодавлева; вечера иногда съ дамами, иногда съ Арзамасцами; не ревнуй къ первымъ: онѣ совѣтъ не въ родѣ прелестницъ: такія набожныя или такія охотницы писать, что я лѣнивый едва отъ нихъ прячусь. Всѣхъ любезнѣе въ отношеніи ко мнѣ Наталья Яковлевна Плюскова, разумѣется, за исключеніемъ моей святой Катерины Ѳедоровны. Вчера передъ обѣдомъ провелъ я два часа съ любезнымъ Шторхомъ à discuter sur l'affranchissement des paysans. Il a été tout-à-fait aimable, prêtoit la plus grande attention à mes argumens, ne les combattoit que faiblement, et dit à la fin avec une noble franchise: „j'entends des choses neuves; c'est fort, et j'avoue que j'ai pu errer“¹³⁾. Ему, какъ и мнѣ, около 50 лѣтъ; онъ уменъ и

¹²⁾ Я спросилъ ее: „не возвратится ли мнѣ въ Москву безъ позволенія? Она отвѣчала, что нѣтъ и что я долженъ дожидаться приказанія его величества. Всѣмъ, кто желаетъ меня слушать говорю, что у меня одна мысль—объ отъѣздѣ. Меня засыпаютъ розами, но ими душатъ. Такого образа жизни не могу я долго вести. Я слишкомъ на повазѣ, я слишкомъ говорю; это чрезмѣру возбуждаетъ меня, и нуждаюсь въ покоѣ. Очень сильно негодую на того, кто повидимому вовсе не озабоченъ ни мною, ни моею Исторіею. Не подражай мнѣ, мой ангелъ, и будь великодушнѣе, требую отъ тебя этого; въ особености не говори о томъ съ другими. Въ теченіе этихъ четырехъ-пяти дней, черезъ посредство гр. Николая Толстого, я рѣшительно потребую позволенія удалиться. Великая княгиня уѣхала сегодня. Вчера я тебѣ писалъ съ княземъ Лопухинымъ про мое послѣднее свиданіе съ этою плѣнительною и весьма легкомысленною государынею, которая такъ непослѣдовательна въ отношеніи меня, тѣмъ не менѣе сохранию объ ней мое воспоминаніе. Я очень искренно любилъ ее и всегда буду желать ей добра. Великая княгиня Анна Павловна по видимому кротка и мягка. Она до того неопытна въ искусствѣ представленія, что, разговаривая со мною, не подумала сказать обо мнѣ слово принцу Оранскому, который стоялъ противъ меня и возлѣ нея въ полномъ безмолвіи. Наконецъ я ее попросилъ сдѣлать мнѣ честь представить меня принцу, прекрасному молодому человѣку, и я обратился къ нему съ льстивыми словами: вы молоды, но уже заняли мѣсто въ средѣ современныхъ героевъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ большою скромностію. Завтра, въ 6 час. вечера, я долженъ отправиться къ великимъ князьямъ, которые, говорятъ, много занимаются военщиною. Видѣлъ я ихъ изъ далека, теперь посмотрю на нихъ вблизи. Вѣроятно Плюскова (у котораго я провелъ третьяго дня, по крайней мѣрѣ четыре часа) напишетъ нашему другу еще что-нибудь объ императрицѣ Елисаветѣ, по этому я ничего не стану о ней говорить.“¹³⁾ Толковать объ освобожденіи крестьянъ.

пріятель. А у Капо д'Истріа я все еще не былъ, ни у князя Голицына. Вѣроятно даже, что и графъ Аракчеевъ считаетъ меня неучтивцемъ: слѣдственно, я худой царедворецъ. Не мудрено, что выѣду ни съ чѣмъ, и что моя Исторія останется въ пыли. А *propos d'Histoire*: читалъ ее Арзамасцамъ два раза у Катерины Ѳедоровны (тутъ былъ и Оленинъ); еще по-немногу раза три канцлеру: дѣйствіе удовлетворяло моему самолюбію. Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними бы жить и умереть. Вообще, милая, хотѣлъ бы я переѣхать съ тобою въ Петербургъ, но если не удостоятъ меня лицензій, то надобно забыть Петербургъ: докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу непротивная гордость; продадимъ Вторускую деревеньку и станемъ вѣкъ доживать въ Москвѣ. Еще повторяю: не сердись, не говори о томъ для меня; даже и сердцемъ мы могли бы унизиться; будемъ только жалѣть, и есть объ чемъ жалѣть! Пестро, очень пестро; но все дѣлается, какъ Богу угодно; вотъ что всегда успокоиваетъ мою душу, исполненную любви къ Россіи и къ ея доброжелательному монарху. *Comme les gens d'esprit sont bêtes quand ils s'éloignent de ce grand principe! La religion de mon coeur m'a fait presque trouver la pierre philosophale*¹⁴). Малиновскій не здоровъ, но думаетъ ѣхать дня черезъ два. Они скажутъ тебѣ не болѣе того, что уже знаешь: потому что я ничего болѣе не знаю. Не даю себѣ грустить, прося Бога, чтобы и ты, мой ангелъ безцѣнный, не грустила. У князя Алексѣя¹⁵) авось отниму портретъ милой: онъ доброй малой; иногда мы вмѣстѣ обѣдаемъ и проводимъ вечера. Чувства его не глубоки: всякій по своему созданъ. Едва ли рѣшусь говорить Местру о моемъ портретѣ: *cela lui rappelleroit trop son ancien état*¹⁶). Я уже давно съ нимъ не видался.—Кругъ думаетъ обо мнѣ хорошо и признавался, что нашель меня ученѣе, нежели воображалъ! Впрочемъ теперь явѣтнужды читать ему моей Исторіи. Еще узналъ я Фабра, автора извѣстнаго и съ умомъ. Всѣ они хорошо расположены ко мнѣ. Вообще я изрядно болтаю; но это наконецъ утомляетъ меня. Родныхъ всѣхъ видѣлъ, но мало вижу: даже брата Ѳедора, даже и племянницъ лю-

Онъ былъ вполнѣ любезенъ, съ величайшимъ вниманіемъ выслушивалъ мои доводы, мнѣ слабо возражалъ на нихъ и на послѣдокъ сказалъ съ благородною свободою: слышать новое; оно сильно, и признаю, что я могъ ошибаться. ¹⁴) Какъ умные люди глупы, когда устраняются отъ этого великаго начала; вѣра моего сердца почти открыла мнѣ философскій камень.

¹⁵) Щербатова, который въ это время собирался жениться на Софіѣ Степановнѣ Апраксиной. Карамзинъ называетъ милою первую его супругу, сестру князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

¹⁶) Намъ это не понятно. Не заграничное ли было знакомство? П. Б.

безныхъ. Невозможно, милая, искусно располагать временемъ въ моихъ обстоятельствахъ. Многіе на меня сердятся: Богъ съ ними! Я еще, напримѣръ, не видался съ Мятлевыми. Безпорядокъ моихъ писемъ даетъ тебѣ идею о моемъ положеніи. Когда бываю дома, то ко мнѣ заѣзжаютъ, заходятъ, отрываютъ, а я не имѣю духа отказывать. И теперь сидитъ у меня гость. Однимъ словомъ, дней черезъ шесть надѣюсь извѣстить тебя рѣшительнѣе о времени моего отъѣзда. Нѣтъ, нѣтъ! Не надобно намъ разставаться!... Сію минуту цѣлую Жуковскаго, говоря съ нимъ о тебѣ. Есть добрые люди на свѣтѣ! Поручаю тебя Богу. Я здоровъ совершенно. Береги себя какъ мою зѣницу ока, какъ меня самого. Благодарю дочерей за ихъ любезныя письма: пусть онѣ хорошенько молятся, чтобы мы скорѣе благополучно и радостно соединились. Пусть и Андрюша молится какъ умѣетъ. Цѣлую нѣжно ихъ и Сашу драгоцѣннаго; онъ уже крѣпко сидитъ у меня въ сердцѣ. Adieu. J'embrasse bien tendrement notre ami¹⁷⁾ Иванъ Ивановичъ. Многіе говорятъ здѣсь, что спокойствіе его завидное и, можетъ быть, говорятъ искренно...

12.

С. Петербургъ, 6 и 7 Марта 1816.

.....Дѣйствительно ничего, ничего, кромѣ нетерпѣнія и негодованія, я не чувствую, какъ ты угадываешь; и то временно, минутно. Гораздо рѣшительнѣе и постояннѣе во мнѣ признательность къ Петербургу, гдѣ все, кромѣ К. и Шаховскаго, сыплетъ на меня цвѣты. А propos de К.; сказываютъ, что онъ на сихъ дняхъ старался доставить графу Аракчееву записку съ новыми доносами на меня; но посредникъ отказался. C'est un fou, ce К. Къ счастью твоему, онъ трусь: иначе твой мужъ былъ бы конечно имъ застрѣленъ или зарѣзанъ ночью. Не слишкомъ ли много дѣлаю ему чести, упоминая объ немъ въ письмѣ къ милой женѣ? Теперь расскажу тебѣ о моихъ дворцовыхъ приключеніяхъ.

Въ Пятницу былъ я у великихъ князей. Милая, не повѣришь, какъ сердце мое оживилось, обрадовалось: я нашелъ, чего не воображалъ, двухъ прекрасныхъ, добросердечныхъ, прямыхъ, умныхъ молодыхъ принцевъ, которыми я горжуся, веселюся какъ ребенокъ. О! я не имѣлъ объ нихъ понятія. Николай Павловичъ или еще полнѣе любовью, или увѣреннѣе въ самомъ себѣ. Я видѣлъ въ немъ—подивись—я видѣлъ въ немъ юнаго брата. Онъ меня обнялъ, благодарилъ за мою снисходительность! Моя рука была въ его рукѣ нѣсколько

¹⁷⁾ Прощай. Цѣлую очень нѣжно нашего друга.—Это глупецъ, этотъ К.

минуть. Милая! ты, не ошибаешься въ моихъ чувствахъ: нѣтъ, не самолюбіе удовлетворенное, а любовь къ царскому дому и Россіи произвела въ душѣ моей какое-то сладкое, тихое, безкорыстное удовольствіе. Мы говорили, какъ водится, о Россійской исторіи, о великихъ происшествіяхъ, о состояніи Европы, о славѣ императора и Россіи. Я даже предлагалъ имъ легкіе вопросы и радовался ихъ отвѣтамъ: ils ont de l'étoffe, oui, oui ¹⁴⁾. Не знаю, что они будутъ черезъ два года, но знаю, что они теперь любезны, любезны! Это благодѣяніе природы и вдовствующей императрицы. Удивительная женщина! Можетъ быть, потомство отдастъ ей справедливость громогласнѣе, нежели мы. вѣтреные, невнимательные современники: это гораздо святѣе. Мнѣ такъ пріятно говорить о великихъ князьяхъ, что я долженъ удерживаться.

За симъ свиданіемъ ожидало меня чтеніе у императрицы Маріи, въ Воскресенье, въ 5 часовъ вечера. Я отказался въ этотъ день отъ обѣда, завтракалъ дома въ 2 часа, дремалъ и пріѣхалъ во дворецъ съ Нелединскимъ. Государыня переодѣвалась, но меня не заставила ждать ни пяти минутъ, въ которыя однакожъ я успѣлъ познакомиться съ Катериною Ивановною Нелидовою. За императрицею пришла в. к. Марія Павловна, а тамъ и великіе князья. Первая сказала, что она свободна до семи часовъ. Я развернулъ свой томъ царя Ивана, читалъ объ его исправленіи и взятіи Казани, въ глубокомъ или почти глубокомъ молчаніи. Государыня хвалила и даже мой образъ чтенія, замѣчая иногда картины и мысли. вмѣсто двухъ часовъ прошло три и болѣе. Подавали чай, сама Августѣйшая хозяйка налила мнѣ чашку, спросивъ, сколько мнѣ надобно положить кусковъ сахару и проч. Мы говорили до десятаго часу, и я съ величайшею искренностію сказалъ, что какъ ни пріятенъ ласковый Петербургъ, какъ ни велико щастіе пользоваться знаками императрициныхъ милостей, но что сердце мое просится къ женѣ и къ дѣтямъ. Государыня добрая предложила мнѣ склонить Императора къ скорѣйшему свиданію. Наконецъ мы встали и все еще говорили, когда великіе князья ушли. Я слегка упомянулъ о впечатлѣніи, сдѣланномъ ихъ любезными свойствами въ моемъ сердцѣ. Она, какъ самая нѣжная мать, говорила о воспитаніи, промолвивъ нѣсколько разъ: „надѣюсь, что они со временемъ могутъ быть полезны государю“. Заключеніемъ былъ комплиментъ: „это пріятной для меня вечеръ“. Она изъявила желаніе слышать исторію Донскаго. Такъ мы разстались. Люби ее, милая! Вопросы о тебѣ, о дѣтяхъ всего болѣе меня тронули. Женщины умнѣ насъ чувствительностію.

¹⁴⁾ Они содержательны, да, да.

Кромѣ обѣдовъ, я провелъ еще два вечера довольно пріятнымъ образомъ: одинъ у Свѣчиной, съ графами Ростопчинымъ, Местромъ Сардинскимъ и посломъ Баварскимъ, а другой у графини Лаваль, опять съ Свѣчиною (умною и полусвятою), съ кн. Александромъ Николаевичемъ Голицыномъ и Балашевымъ очень ко мнѣ ласковымъ и только что пріѣхавшимъ изъ Москвы любезной (ты въ ней съ дѣтьми!). Я читалъ имъ о Новгородѣ. Не забуду еще вечера Тургеневскаго, гдѣ слушателями моими были, кромѣ Арзамасцевъ, кн. А. Ник. Салтыковъ, Нелединскій, Оленинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ и проч. Видно, что мнѣ всѣхъ надобно узнать въ Петербургѣ: вчера обѣдалъ я у Вельяшева съ Пуколовымъ, который здѣсь выше всѣхъ статсъ-секретарей, по увѣренію знающихъ людей¹⁹⁾. Онъ съ умомъ и объявилъ себя моимъ старымъ знакомымъ: я отдѣлался учтивымъ поклономъ и не просилъ о возобновленіи знакомства. Видишь, что мужъ твой Гуронъ²⁰⁾: не поѣхалъ къ графу Аракчееву, не воспользовался даже и благорасположеніемъ Пуколова! Чего же мнѣ ждать? Уваженія твоего и собственнаго. Я никого не хочу оскорбить грубостію; но мое ли дѣло идти криво? Вотъ записка отъ Нелединскаго: „мнѣ приказано извѣстить васъ, что вы завтра (7 Марта) приглашены будете къ Государю“. Это хорошо; но теперь около 11 часовъ утра, а приглашенія нѣтъ, вѣроятно уже и не будетъ. По крайней мѣрѣ будетъ то, что угодно Богу.—Поздравляю съ новымъ тарифомъ, уже подписаннымъ; но большая пошлина испортитъ все, и контръ-банда не прекратится. Здѣсь нѣкоторые туго набиваютъ карманы, въ ожиданіи того, чтобы ихъ прогнали. Мало совѣсти и стыда въ свѣтѣ.....

13.

С. Петербургъ. 10 Марта 1816.

11 часовъ утра.

Милая! Письмо твое отъ 2 Марта растрогало меня еще болѣе, нежели обыкновенно. Я живо почувствовалъ всю тоску твоего нѣжнаго сердца въ разлукѣ съ другомъ. Мнѣ стало уже чрезмѣрно грустно; подумаю, и сердце забьется. Это искушеніе: снесемъ его съ твердостію и благоразуміемъ; но когда вновь соединимся, то попросимъ Бога, чтобы уже не разставаться до смерти. Бодрись, безцѣнная, для друга; ты хвалишься геройствомъ, а я вижу, что у тебя въ душѣ лихорадка.

¹⁹⁾ Жена Пуколова была близка къ Аракчееву, который, кажется, не привозилъ въ Петербургъ изъ Грузина свою Настаську. П. Б.

²⁰⁾ Т. е. грубый Сѣверо-американецъ. П. Б.

Прошу, прошу, милая, чтобы ты, открывая утромъ глаза и помысливъ съ нѣжностію о другѣ, съ душею исполненною довѣренности къ Провидѣнію, вставала съ постели спокойно, занималась дѣтьми, домашними дѣлами, чтеніемъ, принимала нашихъ ближнихъ людей безъ разсѣянiя, иногда выѣзжала для разсѣянiя, и если не можешь быть веселою, то будь хотя тихою въ душѣ. Почти удивляюсь силѣ твоего разсудка: ты не совѣтуешь мнѣ излишно спѣшить и горячиться! Отъ кого могу принимать совѣты, если не отъ тебя? Вдохновенная чистою любовью, ты мой ангелъ покровитель, главный по Богѣ. Положение мое таково, что дѣйствительно имѣю нужду въ совѣтахъ. Сердце рвется отъ нетерпѣнiя; а между тѣмъ опасуюсь рѣшить, можетъ быть навсегда, судьбу нашей здѣшней жизни какъ нибудь легкомысленно. Не хочу притворяться; говорю искренно, но боюсь преступить границу благо-разумiя. Вотъ обстоятельства: не смотря на торжественное обѣщаніе Государя пригласить меня къ себѣ 7 числа, я до сей минуты ничего отъ него не слышу; ждалъ два дня и пересталъ ждать. 10 Марта наступило, а другъ твой въ главномъ не подвинулся впередъ.

Вчера я долженъ былъ обѣдать у привѣтливаго, любезнаго (для меня) гр. Алексѣя Кирил. Разумовскаго; но вдругъ въ 2 часа зовъ къ императрицѣ: меня ищутъ по городу, и я едва успѣлъ къ обѣду государыни, доброй, милостивой. Тутъ была вся императорская фамилія, кромѣ Государя и императрицы Елисаветы Алексѣевны. Я сидѣлъ противъ августѣйшей хозяйки, и все было хорошо, кромѣ того, что твой простосердечный мужъ еще не видалъ ни института, ни монастыря, управляемыхъ ею. Признаюсь, что вопросъ ея и даже милостивый, деликатный упрекъ кольнулъ меня въ сердце. Такъ и быть: это доказываетъ, что я не хитрецъ придворный. Государыня сказала: *vous verrez cela au-moins à votre retour*²¹⁾. Замѣть это слово: оно не есть ли слѣдствіе разговора ея съ Императоромъ? Великіе князья обходятся со мною просто и мило: мы жмемъ руку другъ у друга какъ бы старинные знакомцы. Марья Павловна говорила со мною послѣ обѣда очень долго и пеняла мнѣ, что я вмѣшиваю въ разговоръ Франц. фразы. Государыня звала меня въ Воскресенье на второе чтеніе въ 5 часовъ вечера. Когда же увижу Императора? Вооружимся терпѣніемъ еще на нѣсколько времени. Богъ все сдѣлаетъ, чему быть надобно. Милая, проси Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ спокойствіе и свѣтлость души: вся душа моя въ этихъ словахъ. Еще замѣчу, что императрица за столомъ, взглянувъ на меня, сказала: „Московская дорога еще не испортилась!“

²¹⁾ По крайней мѣрѣ вы это увидите по вашему возвращеніи.

Выслушай другое происшествіе. Фактогумъ графа Аракчеева, объ которомъ я писалъ къ тебѣ, передалъ мнѣ черезъ Вельяшева, что графъ желаетъ видѣться со мною и говорить: „Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда, и не забросилъ даже ко мнѣ карточки!“ Вотъ какъ судятъ люди: скромность считаютъ за грубость! Фактогумъ (по крайней мѣрѣ такъ здѣсь думаютъ) прислалъ ко мнѣ карточку и велѣлъ меня звать къ себѣ въ Воскресенье на вечеръ для свиданія съ графомъ. Вообрази мое положеніе! Не хочу никого оскорбить, но могу ли дать себѣ видъ пролаза? Я также отослалъ къ нему свою карточку, отвѣтствуя Вельяшеву, что мнѣ неловко ѣхать къ такому человѣку, который у меня самъ не былъ. Между тѣмъ, надѣвъ мундиръ, я отвезъ карточку къ графу. Чтò будетъ далѣе, не знаю. Помози намъ Богъ выпутаться изъ всѣхъ придворныхъ обстоятельствъ съ невинностію и честію, которыми я обязанъ моему сердцу, милой женѣ, дѣтямъ, Россіи и человѣчеству! Прибавлю, что я провелъ три часа у графа Капо д'Истріа; не знаю, въ чемъ мы можемъ быть несогласны. Такъ, кажется, не обманываютъ. Это умной, достойной министръ, и я искренно хвалю Государя за такой выборъ.—Было чтеніе для Свѣчиной у графини Лаваль; но теперь я вспомнилъ, что уже писалъ къ тебѣ объ этомъ. Въ домѣ у графа Остермана осуждали меня, какъ я могъ у графини Лаваль, которой домъ есть едва ли не первой въ Петербургѣ, читать свою Исторію, а не у важныхъ людей, не у Остермана, не у княгини Нат. Петр. Голицыной, къ которымъ не ѣзжу? Улыбнись, жена милая: видишь, что завидуютъ моимъ пріятелямъ! Писала ли ты къ бурмистру, чтобы онъ прислалъ въ Мартѣ оброчную сумму не на мое, а на твое имя? Напиши адресъ къ нему: Бургомистру села Макателема Ильѣ Павлову въ Арзамасѣ....

14.

10 Марта, 1811, полдень.

Милая! Сей часъ отправилъ я къ тебѣ письмо черезъ почту; скажу еще нѣсколько словъ съ любезнымъ Дашковымъ.

Объявляю Сонюшкѣ мое родительское удовольствіе за ея письмецо: *c'est bien dit et bien tourné: je l'ai lu à quelques personnes; tout le monde en a été content*²²⁾. Катиша Николаевна также очень любезна. Обнимаю нѣжно обѣихъ; а ты поцѣлуешь друга Андрея, малютку Сашу. Тверди первому объ отцѣ: боюсь, чтобы онъ не взглянулъ на меня какъ на чужаго. Саша не забудетъ отца, потому что еще не знаетъ его. Говори о

²²⁾ Хорошо сказано и выражено; я читалъ его нѣкоторымъ лицамъ: всѣ были имъ довольны.

себѣ, объ нихъ, какъ можно болѣе: это бальзамъ для моего сердца. Между тѣмъ надѣюсь, что отвѣтъ на это письмо можетъ уже не застать меня въ Петербургѣ. Императрица Елисавета хотѣла также звать меня въ Воскресенье; узнавъ, что вдовствующая предупредила ее, она хочеть переговорить съ нею, въ надеждѣ, что мужъ твой будетъ на этотъ день ей уступленъ; ибо Елисавета Алексѣевна будетъ на той недѣлѣ говѣть. Я обѣщаль нынѣ въ 7 часовъ къ Державину для чтенія, но получилъ зовъ къ в. к. Маріи Павловнѣ. Видишь, въ какой я модѣ у Двора до дня, въ которой сдѣлаюсь скучнымъ! *Mais la grandeur des grandeurs m'échappe, et je suis loin d'être parfaitement content*²³). Доношу тебѣ, вѣрной женѣ, на себя: вообрази что вчера ночью ѣхаль я въ одной каретѣ съ глазу на глазъ, съ молодою, любезною женщиною! Отгадаешь ли съ кѣмъ? Съ Огаревою къ Мятлевымъ, которые грозились писать тебѣ о моихъ шапняхъ. Для успокоенія твоей ревности скажу тебѣ, что, къ сожалѣнію, вижу рѣдко добрую Елисавету Сергѣевну: не умѣю ни у кого быть часто, хотя и разъѣзжаю всякой день. Обѣды продолжаются непрерывно, и желудокъ мой ни разу не разстраивался; вода также не произвела никакого худаго дѣйствія на меня. Въ награду будь здорова съ дѣтьми! Пстой: ко мнѣ идетъ фактотумъ г. Аракчеева.... Онъ пробыль у меня съ часъ: много учтивости. На зовъ въ Воскресенье я отвѣчалъ, что буду у императрицы. Тѣмъ и кончилось. За визитъ отплачу визитомъ; это необходимо.....

15.

С.-Петербургъ, 13 Марта 1816.

Душа моя, жена милая! Письмо твое отъ 6 Марта не только растрогало, но даже испугало меня намѣреніемъ твоимъ кинуть дѣтей и ѣхать въ Петербургъ, если захватитъ меня здѣсь зима или распутица. Во-первыхъ, я все надѣюсь, что дѣло мое кончится на сихъ дняхъ: какъ скоро увижу Императора, то безъ сомнѣнія на третій день выѣду. Во-вторыхъ, если бы сверхъ чаянія и продолжились недосуги его еще недѣлю, двѣ или болѣе, то заклинаю тебя быть спокойною на мой счетъ, предаться въ волю Божію и ждать меня въ Москвѣ. Самой послѣдній срокъ есть отъѣздъ государевъ: это развяжетъ мнѣ руки и ноги; если и не увижу его, то все буду свободенъ ѣхать къ тебѣ, милая; а онъ, какъ слышно, въ самомъ началѣ весны отправится. Теперь уже дѣло зашло далеко: не могу пристойнымъ образомъ и просить дозволенія возвратиться въ Москву, не видавъ Государя; мнѣ со всѣхъ сторонъ кладутъ въ ротъ, что онъ расположенъ сдѣлать для

²³) Но высота высотъ мнѣ не дается, и я далеко не совсѣмъ доволенъ.

меня все справедливое и пристойное.... Не имѣй никакихъ черныхъ обо мнѣ мыслей: онѣ не справедливы; напротивъ, ты можешь мнѣ завидовать; ты, ты, милая, жалка болѣе, нежели я, имѣющій здѣсь пріятныя разсѣянія, хотя они и не могутъ ослабить моего внутренняго безпрестаннаго влеченія къ тебѣ, окруженной дѣтѣнками. Богъ даетъ мнѣ здоровье; ѣмъ, сплю хорошо и надѣюсь на милость Всевышняго. Неужели это, безцѣнная, не можетъ ободрить тебя въ твоёмъ, хотя и печальномъ, но временномъ одиночествѣ? Рѣшится судьба моего труда долговременнаго и отчасти самой жизни нашей: двѣ лишнія недѣли разлуки могутъ нѣкоторымъ образомъ наградить насъ за шесть уже прошедшихъ. Великодушіе на твоей сторонѣ: мое гораздо менѣе, хотя любовь моя (Богъ видитъ) не уступаетъ твоей. Потѣшь друга: жди меня и не мысли бросить нашихъ дѣтей. Ты во мнѣ увѣрена: не влюблюсь же ни во Дворъ, ни въ красавицъ, ни въ обѣды, коихъ часто бываю героемъ: не высохну я отъ грусти: надежда на Бога и разсѣяніе авось поддержать меня; по крайней мѣрѣ до сего времени не худѣю замѣтно.... Будь же веселѣ! За то расскажу тебѣ мои похождения.

На другой день императрица обѣда провела я вечеръ у в. к. Маріи Павловны: читалъ, но болѣе разговаривалъ. Она не такого блестящаго ума, какъ наша Екатерина, однакожь любезна и въ особености правится своимъ добродушіемъ. Въ разговорѣ я сказалъ, что женщины вообще тонѣ умомъ, нежели мужчины: она не соглашалась, и.... доказала противное. Входитъ въ другой разъ Веймарской принцъ: elle lui rend compte de notre conversation et me dit tout-de-suite de continuer la lecture, qui chasse tout-de-suite le prince. Arrive un autre prince, celui d'Oldenbourg. Elle lui dit que son mari est dans son cabinet, et me dit de recommencer la lecture. Le malheureux, sans rien comprendre, reste, et elle lui dit: „Vous êtes le plus aimable de tous les cousins possibles: vous restez avec nous: mais mon mari est là, dans son cabinet“²⁴⁾. Ольденбургской все таки ни съ мѣста, и я внутренно усмѣхнулся. Ей угодно было обязать меня словомъ еще побывать у нея до моего отъѣзда.

Я отвезъ карточку къ графу Аракчееву и на третій день получилъ отъ него зовъ; пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорили съ нѣко-

²⁴⁾ Она передаетъ ему, о чемъ мы разговаривали и тотчасъ же говоритъ мнѣ, чтобы я продолжалъ чтеніе, отъ котораго онъ тотчасъ уходитъ. Является другой принцъ, Ольденбургскій; она ему говоритъ, что супругъ ея у себя въ кабинетѣ, а мнѣ говоритъ, чтобы я продолжалъ чтеніе. Бѣдный, ничего не понимая, остается, и она ему говоритъ: вы самый любезный изъ всѣхъ возможныхъ двоюродныхъ братьевъ, вы остаетесь со мною, но мужъ мой тамъ у себя въ кабинетѣ.

торою искренностію. Я разсказалъ ему мои обстоятельства и на вызовъ его замолвить за меня слово Государю отвѣчалъ: „не прошу ваше сіятельство; но если вамъ угодно, и если будетъ кстати“, и проч. Онъ сказалъ: „Государь безъ сомнѣнія расположенъ принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь“. Пришелъ третій человѣкъ его ближній, и разговоръ нашъ перемѣнился. Слышно, что онъ думаетъ пригласить меня къ обѣду. Вообще я нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами. Вотъ его слова: „Учителемъ моимъ былъ дьячекъ; мудро ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю государеву. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться: теперь уже поздно“. Не подумай, милая, что это насмѣшка; нѣтъ, онъ хорошо трактовалъ меня, и сказанное мною не могло подать ему повода къ такой насмѣшкѣ. Слѣдственно и графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣйшему свиданію съ Государемъ; даже увѣрилъ меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно? По крайней мѣрѣ надобно ждать, и непристойно требовать, чтобы меня ни съ чѣмъ отпустили въ Москву.

Вчера, въ 7 часовъ вечера, пріѣхалъ я съ Уваровымъ къ императрицѣ Елисаветѣ Алекс. Мы нашли ее совершенно одну, въ большомъ кабинетѣ. Она еще хороша лицомъ, миловидна, стройна, имѣетъ серебряный голосъ и взоръ прелестной. Читали долго, но въ глубокомъ молчаніи, слѣдственно холодно. Къ сожалѣнію, уткнувъ глаза въ книгу, я не могъ часто взглядывать на императрицу; а на нее пріятно смотрѣть. Въ ея глазахъ есть нѣчто краснорѣчивое. Она казалась довольноною. Послѣ мы говорили съ часъ, ловко и свободно, о войнѣ Французской, о пожарѣ Московскомъ и проч. Въ началѣ одиннадцатаго она изъявила мнѣ благодарность, мы разстались, и я вышелъ съ пріятнымъ воспоминаніемъ. Надобно было видѣть эту интересную женщину одну, въ прекрасномъ бѣломъ платьѣ, среди большой, слабо освѣщенной комнаты: *elle avait quelque chose de magique et d'aérien*²⁵⁾. Она будетъ говѣть и сказала мнѣ, что не имѣетъ надежды видѣть меня въ другой разъ до моего отъѣзда.—На сихъ дняхъ обѣдалъ я у гр. Румянцева съ знатными, у Шторха съ учеными, у Огаревой съ Тургеневымъ, у Балашева (весьма ко мнѣ ласковаго) со многими гостями; вечера былъ у Свѣчиной, Голицыной, Растопчиныхъ, у гр. Алексѣя, кн. Разумовскаго, съ Арзамасцами у Тургенева. Все хорошо; но худо, что дни проходятъ, а день желаемый не приходитъ, и я еще не ѣду къ милой!... Завтра

²⁵⁾ Въ ней было что-то магическое и воздушное.

рано, въ 9^{1/2} часовъ, должно мнѣ ѣхать въ Училище глухонѣмыхъ, гдѣ будетъ, думаю, императрица.

16.

С.-Петербургъ, 16 Марта 1816*).

Милая! Вчера въ 5 часовъ вечера пришелъ я къ Государю. Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты; встрѣтилъ ласково, обнялъ и провелъ со мною часъ сорокъ минутъ въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. Воображай что хочешь: не выразишь всей его любезности, привѣтливости. Я хотѣлъ прочесть ему дедикацію, два раза начиналъ и не кончилъ. Скажи: тѣмъ лучше; ибо онъ хотѣлъ говорить со мною. Я предложилъ наконецъ свои требованія: все принято, дано, какъ нельзя лучше: на печатаніе 60 тысячъ и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ и проч. Я нюхалъ табакъ: онъ взялъ мою табакерку; нашелъ, что ты лучше портрета и улыбнулся, когда я сказалъ ему: *Sire, je rendrai ce compliment à ma femme; mais ne lui faites pas la cour; c'est une femme fidèle*²⁶). Онъ пригласилъ меня обѣдать въ Пятницу, то есть, завтра; обѣщавъ подписать два указа обо мнѣ нынѣшній день, или, по его словамъ, прежде Пятницы; однимъ словомъ, надѣюсь выѣхать около будущаго Вторника или Середы: Опасаюсь одного, чтобы не задержали меня выдачею денегъ; но конечно не вздумая вѣсновать здѣсь для этой гадости: въ случаѣ Гурьевской строптивости уѣду и безъ денегъ; оставляю только вѣрющее письмо кому нибудь изъ пріятелей. Милая! Пора, пора къ тебѣ: начинаю уставать крѣпко. Весна можетъ быть для насъ пріятна, если Богъ, какъ надѣюсь, соединитъ насъ благополучно около Благовѣщенья. Какъ обрадуюсь тебѣ и дѣтѣнкамъ! Теперь хочу только видѣть указы подписанные...

Марта 17, Пятница.

Вчера не дали мнѣ писать. Теперь 7 часовъ утра; но то бѣда, что въ девятомъ я уже долженъ быть въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ императрица намѣрена экзаменовать воспитанницъ. Милость велика, но утомительна. Четвертаго дня все утро въ Институтъ глухихъ, третьяго въ Монастырѣ Смольномъ (гдѣ даже и обѣдалъ съ любезными питомицами), а нынѣ опять тоже; а въ 2 часа надобно уже быть во дворцѣ! Государь, какъ вѣроятно, не скажетъ мнѣ ни слова о моемъ

*) Ровно черезъ четыре года (безъ одного дня) послѣ ссылки Сперанскаго. П. Б.

²⁶) Государь, я передамъ этотъ лестный отзывъ женѣ моей, но не ухаживайте за нею: она жена вѣрная.

дѣлѣ: за обѣдомъ говорятъ только о постороннемъ. Не знаю, кто мнѣ дастъ знать объ указахъ. Вчера я отвезъ карточку къ графу Аракчееву: онъ догадается, что это въ знакъ благодарности учтивой. Вѣроятно, что онъ говорилъ обо мнѣ съ Императоромъ. Последнее письмо твое отъ 9 Марта есть верхъ нѣжной меланхоліи: чувства твои, другъ милой, сколь естественны, столь и пронзительны для моего сердца. Будь же теперь веселѣе! Главное сдѣлано: черезъ четыре дня надѣюсь сѣсть въ кибитку, но еще напишу къ тебѣ во Вторникъ... До сей минуты, не смотря на усталость, твой доброй мужъ здоровъ совершенно... Письмо запечатаю. Думаю, что оно, хотя и краткое, сдѣлаетъ тебѣ болѣе удовольствія, нежели прежнія. Авось все устроится къ лучшему! Могу сказать, лишнее могу и поступить въ ономъ не совсѣмъ благо-разумно; но Богъ поправитъ, вступится за мою простоту!...

17.

С.-Петербургъ, 21 Марта 1816.

.... Ты уже знаешь, другъ безцѣнный, что Государь пожаловалъ мнѣ еще Аннинскую ленту черезъ плечо, и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Нынѣшній день я простился съ двумя императрицами, добрыми, любезными, и былъ у вдовствующей отъ 3 часовъ до девяти. Завтра прощусь съ великими князьями и вел. княгинею. Не знаю, увижу ли еще государя. Деньги, 10 тысячъ, обѣщали мнѣ выдать завтра или послѣ завтра; а 50 тысячъ оставлю въ Кабинетѣ. Выѣду, какъ надѣюсь, въ Четвергъ. Теперь проси Бога, чтобы Онъ соединилъ насъ благополучно.

.... Благословляю васъ и предаю вмѣстѣ съ собою въ волю Божию. Спѣшу кончить письмо. Много визитовъ и дѣла; но главное сдѣлано. Такъ ли, милая? Ёду къ тебѣ! Твой на вѣки.

